

• ФАНТАСТИКА

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ

ЦИКЛ: ЗАКАЛЕННЫЕ БУРЕЙ

**ЗАКАЛЕННЫЕ
БУРЕЙ (3)**

Александр Леонидович Кириллов

Закаленные бурей 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70118023

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжается служба Алексея Семенова и его товарищей в отряде специального назначения при жандармском Корпусе Российской империи. Но просто служить – дело малоперспективное, поэтому Алексей ведёт свою гвардию к новым свершениям. Судьба преподнесла Алексею сюрприз в личной жизни и шанс ворваться в высшее общество императорской России.

Содержание

Глава 1. Мирная жизнь	4
Глава 2. Бизнесмен	35
Глава 4. Крестьянский бунт	87
Глава 5. Кровавый привет из прошлого	111
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Александр Кириллов

Закаленные бурей 3

Глава 1. Мирная жизнь

Отряд собрался на нашей тренировочной базе, чтобы решить, как жить дальше. За прошедшую войну многие из моей роты получили ранения, кто-то пал смертью храбрых. В большинстве своём в строю остались те, кто был в первом составе отряда и до фронта тренировался почти год, хотя и среди них были потери. Многие ветераны вернулись домой полными Георгиевскими кавалерами, имея на гимнастёрках по четыре солдатских креста. Радовало, что петербургское начальство достойно оценило наши заслуги, не жалея наград. За прошедшие полтора года все мы выросли в званиях, так что из простого унтера я дорос до офицера.

В начале июля студенты-электротехники, кто честно учился все четыре года, защитили дипломы и, получив степень бакалавра, начали взрослую жизнь. Новоиспечённые инженеры продолжали исследования и разработки в выбранных областях электротехники и физики, оформляя диссертации на звание магистра, а затем доктора наук. Специалистов из нашего физического кружка оставляли на технических кафедрах института штатными и нештатными сотруд-

никами. Тех, кого принимали в штат, оставались работать на кафедрах, совмещая работу в институте и в нашей конторе, а нештатные полностью переходили в лаборатории НПО «Зенит Рус».

Сегодня мы отмечали своё возвращение и учебные успехи товарищей. Был приготовлен шашлык и запечённая картошка, куплены соленья, горячий хлебушек и водка. Прибыл Титан и Иван Борисович, пришли наши молодые инженеры и маститые учёные и преподаватели. Большинство из них и технарей приезжали на фронт, привозя наши заказы или технические изделия, которые обкатывали в боевых условиях, а затем дорабатывали в мастерских и лабораториях. Так что и «учёные черви» имели на лацканах пиджаков полученные за свои дела медали или «Георгиевские кресты».

Мы вспоминали наши давние сборы и поездку на фронт, сравнивая, какими мы были почти два года назад и стали сейчас. Тогда всё было иным: восторженные разговоры, горящие глаза, желание проверить себя в настоящем деле. А сейчас 20-летние ребята вернулись домой. У многих на висках появились седые волосы, на лицах была написана жуткая усталость, изменился взгляд, став холодным и даже безразличным, какой бывает у людей, ходивших рядом со смертью. Все мы нет-нет, но периодически выпадали из разговора, прислушиваясь к раздающимся вокруг звукам, с лёгким прищуром посматривая по сторонам, словно ожидая нападения. Это состояние за прошедшее время просто вошло в

привычку. А ещё в глазах читалась обида и ожесточение на высшее командование за бездарно проигранную войну. Люди, находящиеся у вершины власти, не хотели победы, им было наплевать на страну и её солдат. Они разыгрывали свои политические комбинации за влияние на царя, свой статус и положение в политических раскладах. А если кто-то пытался изменить что-то к лучшему, например, тот же Столыпин, то такого затирали или убивали. Предательство и измена Родине ради своих интересов были нормой жизни правящей верхушки царской России.

Мы говорили о жизни и планах. Я и мои товарищи, бросившие учёбу, планировали восстановиться в институтах, перейдя на экстернат. Ребята, окончившие ремесленные училища, такие как Лавр, Таран, Клык и Прут просто перешли в технические специалисты нашего отряда, оставив свою гражданскую профессию. Кэн, Баха и Док учились в военно-медицинской академии, собираясь стать врачами.

Перед этой встречей я мысленно готовился, как правильно сформулировать нашу дальнейшую программу, чтобы мои молодые и пожилые соратники меня поддержали. Очень большие для обычного обывателя деньги – наш стартовый капитал и верные помощники у меня были. Однако для того, чтобы стать не просто бизнесменом, а крупным промышленником, требовалось немного больше, чем то, что мы имели. Нужны были профессиональные руководители направлений, причём работающие как одна команда.

Что для этого требовалось? Есть три основных момента, заставляющих людей трудиться честно и с самоотдачей: страх наказания, долг и личная заинтересованность. Осталось дело за малым, найти порядочных людей с чувством долга на высшие руководящие должности, при этом хорошо заинтересовав их в результатах своего труда. Основной контингент работяг, инженеров и управленцев наших предприятий будет разный, ибо, где найти столько честных и ответственных людей. Для этих сотрудников я планировал реализовывать два правила: заинтересованность в результатах труда, то есть сдельщина или премии, и личная ответственность за результаты труда плюс огромные штрафы за воровство. Когда полиграф будет доведён до ума, большинство сотрудников попадёт под проверки на нём.

Удивительное наблюдение, которое я сделал в жизни, меня огорчало – чем труднее жизнь, тем больше честных и ответственных людей. Как только окружающая действительность становится сытой и либеральной, появляется масса наглых, не желающих напрягаться, лентяев и хитромудрых деляг. Ко всему прочему я предполагал, я точно знал, как мне стать очень богатым человеком и многое для этого уже было подготовлено. Но чтобы правильно распорядиться будущим «бонусом», требовался создать фундамент иного плана, ещё требовалось защитить «свою прелесть», как говорил Голум из фильма «Властелин колец». И для этого одного отряда было недостаточно. Чтобы не просто схватиться

с финансовыми хищниками, но и отстоять своё приобретение, нужна была власть. Так что передо мной стояли очень большие задачи, решение которых пока лишь брезжило передо мной, напоминая узенькую тропинку, по мере прохождения которой она будет расширяться в широкую дорогу. А пока надо было с чего-то начинать, точнее говоря, продолжать начатое мной два года назад.

Первым делом мы обсудили, что делать с деньгами. Вначале рассчитали доли каждого участника нашей боевой «концессии», а затем я рассказал о том прекрасном будущем, которое ждёт всех нас, если деньги останутся у меня.

– Есть у меня планы как преумножить наши деньги. Кто захочет пуститься в свободное плавание – можете забрать вашу долю хоть сейчас. Однако надеюсь, что мы и дальше будем вместе, и ваш капитал будет преумножаться в нашем общем деле.

Народ согласился идти и дальше сплочённым коллективом. В тот же день всем были выплачены хорошие премиальные для обустройства личной жизни и помощи близким, так что полмиллиона рублей разошлись между бойцами, учёными и технарями.

Естественно, что с понедельника весь отряд прибыл в Корпус, где нас поздравил главный шеф, генерал Трепов, наконец-то посмотревший на полный состав отряда в регалиях.

– Молодцы, хвалю!

– Рады стараться, вашвышбродь!

Все сотрудники отряда, кто имел возможность расти в чинах дальше, получили повышение на одну ступень вверх, так что я дорос до ротмистра. В связи с реорганизацией роты в батальон, появилась новая структура, которая делила отряд на блоки по направлениям: силовое, тыловое и техническое. В силовой блок отдельными подразделениями вошли: конно-пулемётная рота с тачанками, фургонами и лошадьми, две диверсионно-штурмовые роты с огнемётно-гранатометным взводом, отделением снайперов и авиаотрядом. Блок снабженцев составили взвод тылового обеспечения, медицинское и финансовое отделение. В третьем блоке – она же четвертая рота, служили технари: оружейники, радиоспесцы, механики авто-, авиа- и железнодорожного направлений. Морского отдела ещё не было, но я собирался пробить выделение нам нескольких торпедных катеров.

С учётом знаний, полученных во время боевых действий, были доработаны тренировочные программы. Все комиссованные по ранению бойцы отряда работали на нашей базе инструкторами, смотрителями за лошадьми и инвентарём, в канцелярии. Так что молодых, но искалеченных войной ребят на произвол судьбы не бросили.

Прошли назначения в батальоне. Серж остался моим заместителем, Рыбак и Джек – командирами штурмовых рот, Лазарь – тыловиков, Пан – авиаотряда, Багай – конного-пулемётного отряда, а ветераны двух первых составов возглавили роты, взводы и отделения. Учёными продолжал коман-

довать Таган, технарями – Обухов. Но в технических подразделениях лишь несколько человек являлись жандармами, а остальные были обычными наёмными сотрудниками, работающими в наших лабораториях и мастерских. В этой сфере также были разные направления деятельности, которыми руководили маститые учёные: Филиппов, Бенардос, Головкин, Горняков и технари-практики – Сулины, Крупский, Коробкин и так далее. После войны солдат в Виталии Горнякове полностью победил инженера, поэтому, несмотря на уговоры папы, Горняков-младший перешёл в жандармы, переведясь в институте на экстернат. Кто имел желание, устраивали свою личную жизнь. Так с девушками, с которыми свела война, сошлись Джек, Митяй, Виля, Док, а ко мне приехала Оксана.

А дальше для отряда начались обычные рабочие будни: учёба, тренировки и штурмовые операции. Через контору прибывшим с нами китайцам были оформлены нужные документы, чтобы находиться в России, после чего они стали жить и тренироваться в отряде. Тем самым было положено начало подготовки наших людей для восточного направления.

В начале сентября меня и Саню Титовского "на ковёр" вызвал Трепов. Мы зашли к нему в кабинет с нашим начальником Иваном Ерофеевым. Начальник корпуса оглядел нас и похвалил.

– Хорошие у вас ребята, славно воевали. Это я по жалобам

английских дипломатов сужу, да по сводкам японцев. Если бы не предательство армейцев, мы бы точно их победили. Истощилась Япония, некого ей стало призывать в сухопутную армию, не хватало снарядов и патронов. И это, несмотря на то, что пятьдесят процентов военных расходов Японии было осуществлено за счёт средств, предоставленных Англией и США. Чего ухмыляешься, Семенов?

– В борьбе за независимость Америки от Англии Россия помогла США, а в благодарность за это США помогают всем против России.

– Да, что верно, то верно. Так вот, для чего я вас вызвал, господа. Ротмистр, отбери в своём отряде наиболее отличившихся офицеров.

– Ваше высокоблагородие, все отличились. Все за свои дела имеют по два и более солдатских «Георгиевских креста». В этом году командиры получили первое офицерское звание, и за боевые дела уже офицерские ордена.

– Хорошо, бери всех офицеров, их у вас немного. Добавим вас к представителям других управлений. Вам надлежит представлять Корпус в императорском дворце на торжественном собрании, посвящённом окончанию войны. Надеюсь, не надо предупреждать, чтобы вы соответствовали высокому званию жандарма?

Мы покивали головами, мол, ясен пень, господин генерал-майор, будем соответствовать.

На следующий день я подал Ерофееву список, в который

вошли все офицеры отряда. Мы стали готовиться к великому событию – праздничному балу в императорском дворце.

Всем вернувшимся с войны пришлось по-новому привыкать к мирной жизни, вспоминая старых друзей и дела. Прибывшие с вокзала домой мать и дочь Тимошины, устало сели диван в гостиной.

– Вот мы и дома, Алена!

– Да, мама. Мне казалось, что в больнице тяжело работать, а побывав на войне... Эх, что говорить.

– Ничего, до сентября поработаешь в больнице, а как начнутся занятия в институте – увольняйся, чтобы посвятить всё время учёбе. Ты должна стать отличницей курса.

В середине сентября я, Кэн и бойцы, которых хирурги-обуховцы вылечили в Китае, зашли в больницу проведать Любовь Павловну, Череватенко и профессора Тохтамышева. Череватенко и Тохтамышев были на операции, зато встретили Алёну, пришедшую на консультацию к профессору и также ожидающую его. Мы вдоволь наговорились о жизни.

– Я, мальчишки, учусь в военно-медицинском институте.

– А чего я тебя не видел там? Я, Док и Баха тоже студенты академии.

– Поздравляю, мальчишки. Не видел меня, потому что вы – академики, а я – институтка, мы учимся в разных заведениях. Сэм, а у тебя как дела?

– Работа началась, спортивные тренировки, Есть и деловые идеи: планируем банк открыть, цеха производственные

расширить, много планов...

«Молодцы вы. Не женились ещё?» – обратилась она к Коле.

– Есть такое, Ален. Сошёлся я с Аней, секретаршей из штаба, помнишь, на празднике Рождества была плотненькая девушка? Док повенчался с Леной из третьего госпиталя – ты вместе с ней работала, Джек со Светланой живёт, тоже врачом из третьего, а наш Сэм с Оксаной шуры-муры закрутил.

– Все-таки понравилась тебе Оксана.

– Да, Алён, сошлись мы.

– Поначалу она всё о тебе спрашивала, а я и рассказала.

– Всё идёт, как должно. Сама-то как?

– Есть в группе парень, пока встречаемся, а там видно будет. Афиши висят об императорском бале в честь победы, гуляния будут, фейерверк. Можно фейерверк вместе посмотреть.

– Увы, вместе не поучится. Дело в том, что меня и офицеров отряда пригласили на этот бал.

– Вот это да, здорово-то как!

Алёна вернулась домой вся активная и энергичная.

– Чего это ты задумала?

– Мама, завтра воскресенье, пойду в гости схожу, проводаю, как там мои подружки поживают.

К обеду после церковной службы Алёна зашла к Лариным.

– Здравствуйте, Алевтина Павловна, Иван Васильевич, Жорик, Юля, Катя.

«Боже мой, кто к нам пришла! – захлопотала хозяйка. – Как ты вовремя, Алёна. Мы скоро обедать будем, а пока присаживайтесь за стол, почаёвничаем. Глафира, неси на стол чай с печеньем!»

Алёна присела на указанный стул, на груди её пиджачка были приколоты две медали: «Красный крест» и «За усердие». Остальной народ чинно расселся за столом, и Алевтина Павловна принялась расспрашивать девушку о жизни.

– Алёна, голубушка, как вы с мамой чувствуете себя? Давно ли приехали?

– В августе ещё. Немного отдохнула с дороги, а сейчас началась учёба в военно-медицинском институте. Вот решила к вам первым нанести визит. Захотелось Юлю и вас всех повидать. Знаете, вроде и мало времени прошло, а такое ощущение, будто не виделись целую вечность.

– Давно не виделись. Ты повзрослела, Алён. Как там было?

– Тяжело: кровь, слезы, пот, холод и голод. Нас в городе ещё неплохо снабжали, а у солдатиков в окопах жуть была. А зимой очень тяжёлым оказалось отступление из Мукдена. Собственно говоря, всю войну мы только и делали, что отступали.

Алёна рассказывала о своём боевом пути, о двух наградах, которые ей и другим работникам госпиталя были вруче-

ны начальством. Иван Васильевич отложил газету, которую по обыкновению читал, знакомясь с новостями. Прокашлявшись, он поддержал разговор.

– Досадно, а мне вот не удалось попасть на фронт. Я писал рапорт на включение меня в состав экипажей 2-й эскадры адмирала Рождественского, но, увы, ему не дали хода.

Закудахтала супруга: «Свят с тобой, Иван. При Цусиме вся эскадра погибла, а тебя Бог отвёл».

– Да-с, крейсер, куда просился, утонул. Пишут, что во дворце пройдёт чествование героев войны, сам император будет их награждать. Ежели бы удалось повоевать в Порт-Артуре, так я тоже имел бы шанс попасть на бал.

– Ой, точно, я и забыла. В Обуховке встретила ребят из компании Алексея.

– Алексей? Как он поживает, также писательством занимается?

– Писательством не знаю, но я долго разговаривала с ними. Так вот, он и несколько футболистов из «Зенита» приглашены в Зимний дворец на награждение.

– Как это футболисты приглашены? В стране война прошла, а они при каких делах?

Тут взвился Жора.

– Как это «при каких делах»?! Пока старшие товарищи на фронте сражались, мы защищали спортивную славу клуба.

– Помолчи, Георгий.

– Да так, Иван Васильевич, вся команда воевала на фрон-

те, и в Порт-Артуре в боевом рейде они побывали, самого генерала Ноги могли в плен взять. Мы с мамой их в госпитале видели, они своих раненых товарищей привозили, а летом в Чите на перроне вокзала встретила. Все с «Георгиевскими крестами» и медалями, а несколько ребят полными кавалерами стали. А Алексей уже целый ротмистр и полный Георгиевский кавалер – медалей и орденов на груди – не счесть. Будет ли он дальше писать книги, я не знаю, но его романы я читала с удовольствием. А ещё они коммерсанты – заводские цеха имеют, банк открывать надумали. Алевтина Павловна, простите меня, но я вспомнила, что обещала быть дома к обеду. Всё было очень вкусно, побегу я, спасибо вам.

– Алёна, я провожу тебя.

– Хорошо, Юль.

Девочки шли по городу, просто гуляя и разговаривая.

– Юль, ты извини, но обидно за ребят стало. Мы там под пулями, а он о зенитовцах, как о никчёмных людях отозвался. Как ты?

– Заканчиваю в этом году Бестужевские курсы. Стану, как и хотела, экономистом, а параллельно учёбе подрабатываю секретарём на кафедре. Подружки наши там же учатся, мы иногда общаемся. Жорик ещё гимназист и за свой "Зенит" играет, Катя также в гимназии учится. Всё обычно. Расскажи, как твоя учёба, как на фронте было?

– Непосредственно на фронте я не была, но раненых с него навиделась, обстрелы слышала постоянно. То мы по япон-

цам, то они по нам стреляли.

– А Лёша?

– Лёша теперь ротмистр отдельного корпуса жандармов. Где воевал, я не знаю, но судя по орденам, в тылу точно не отсиживался. Недавно узнала от ребят, что их подразделение в армии «призраками» называли. Японцы их жуть, как боялись. Видно, хорошо воевал, раз его в императорский дворец приглашают на чествование героев войны.

– Глупо всё у нас получилось, Ален.

– Глупо, Юль.

– Чего думаешь делать?

– Доучусь на врача, и дальше буду работать в больнице. Наш медкабинет на Английской закрылся, ребятам просто некогда вести приём. Да и мне теперь некогда – учёба.

– Ты изменилась, Ален.

– Все изменились, кто был там. Все ребята другими стали, один Алексей остался таким же. Не пойму, как в нём уживаются совершенно разные ипостаси – серьёзный и весельчак, жёсткий и добрый человек. К тебе женихи сватаются?

– Сватаются, но я не хочу. Из-за этого периодически бывают домашние скандалы. А у тебя как?

– Стала встречаться с парнем из группы, но вечерами гулять нет времени.

Девочки повздыхали, да разошлись по домам. Юля шла домой и думала: "Надо было подать прошение и пойти в армию вольнонаёмной. Поехала бы на фронт, поработала при

штабе, познакомилась бы с жизнью. Эх, я".

Настал день торжественного собрания и вечернего бала в Зимнем дворце. Большую группу приглашённых составляли офицеры – герои войны. Однако они терялись среди завсегдатаев таких мероприятий – чиновников, генералов и представителей высшего света. Все мы были «накрахмалены» по самое «не балуйся», то есть, одеты в пошитые в ателье новые мундиры с приколотыми орденами и медалями. Правда, в большинстве своём у нас на груди были солдатские, а не офицерские награды. Парни явно робели, когда показывали приглашительные билеты охране на входе в Зимний дворец. Все-таки попасть на императорский бал «человеку с улицы» – это серьёзное достижение. Я же стоял вполне спокойно, рассматривая окружающих. А чего я тут не видел – раз десять бывал «Эрмитаже» в прошлых жизнях, когда он являлся музеем, и всяких важных персон видел пачками и общался с ними, будучи премьер-министром с СССР. Встретили мы здесь Михаила Ананьева и Саню Титовского. Осматриваясь, взгляд задерживался на других офицерах с боевыми наградами, которые явно чувствовали себя «не в своей тарелке». Здесь же я увидел руководителей Корпуса и региональных жандармских управлений, включая Ерофеева и командира корпуса. Только общались они не с нами, а с уважаемыми генералами и чиновниками от армии и МВД. Между гостями сновали лакеи в дорогих ливреях, с расшитыми золотой нитью узорами, разнося на подносах шампанское. В зале достаточ-

но близко я увидел Столыпина, Гурко, Розена, Витте, Святополка-Мирского, Куропатника, Гриппенберга, Мищенко, фон Бильдиринга, военно-морского министра Фёдора Авелана, адмиралов Ухтомского и Небогатова, многих других начальников отгремевшей войны.

Затем распорядитель пригласил участников в Георгиевский зал дворца. Здесь я вновь увидел Российского самодержца. Стояли мы в самом последнем ряду, дабы своим бравым видом не смущать начальство, зачастую весьма пузатое. У некоторых очень важных царедворцев плечики были узенькие и хиленькие, зато живот начинался практически от шеи, поэтому множество непонятно за что полученных орденов было приколото на мундиры даже в районе пупка и лежали, словно на подносе. Потом нас немного перетасовали: рядовых приглашённых отправили в одну сторону, а представителей высшего света и начальство – в другую. Прозвучали бравурные речи, после которых император лично стал награждать высших офицеров, стоящих в первых рядах. Ему ассистировали генерал-адъютанты, подавая награды и зачитывая фамилии награждаемых, которые бодро выходили из строя. Затем император пожелал нам всех благ, выйдя в парадную дверь. За ним потянулось руководство, а процедуру награждения продолжил придворный генерал свиты. Так что всем участникам вручили медаль «В память о русско-японской войне 1904-1905 года», мне и моим ребятам – орден «Святого Владимира» 4-й степени и документы на

личное дворянство. Ребята были рады, впереди замаячила очень перспективная карьера. Зайдя в уборную, мы, как и многие офицеры, закрепили новые ордена на мундирах.

Потом нас пригласили в Белый зал на лёгкий фуршет и начавшийся праздник. К нам вышла императорская чета с двумя старшими дочерьми. Мы встретили их выход громкими аплодисментами, а дамы – низкими книксетами. Я и мои товарищи, поддавшись желанию попасться на глаза сильным мира сего, начали движение вслед за другими, более разбирающимися в том, как и когда надо подсуесться, чтобы тебя заметили. Все эти манёвры подчинённых были давно известны, поэтому семейство стояло на месте в окружении фрейлин и «совсем больших» сановников, взирая на медленно проходящих мимо них людей, склоняющих голову в верно-подданическом поклоне. Девочки, то есть великие княгини, явно скучали, еле сдерживаясь, чтобы не начать зевать. Конечно, им было скучно. Это были обычные дети 10 и 8 лет – им бы со сверстницами поиграть, а тут надо царственно улыбаться всяким стариканам. Проходя мимо, я также "засвидетельствовал" своё глубочайшее почтение императорской чете, а затем дочерям. Ольге я ещё и подмигнул. Она улыбнулась и хлопнула ресницами в ответ – одним глазом не получилось, пришлось моргать двумя сразу. После попадания «на глаза», наши парни удалились в угол зала, встав у колонны. Наши институтские товарищи Панин и Таганов немного развеяли обстановку.

– Ну что, рожи дворянские, надо бы обмыть это дело?

– Сейчас бухло принесут и...

Мы рассмеялись. Поистине, такие обороты речи достойны интеллигентов и новоиспечённых дворян. Когда прошла официальная часть, народ стал вести себя свободнее, разбился на группки, и принялся поглощать закуски и вино, перемежая это дело светским разговором

– Вот вы где, господа герои!

Мы обернулись и увидели великую княгиню Ольгу с сестрой Марией, позади которых возвышалась суровая фрейлина графиня Софи Друбецкая.

– Ваше высочество, тут столько генералов, что нам немного неловко.

– Судя по наградам, на поле боя вы вели себя более храбро и генералы вас не смущали.

– Да, ваше высочество, так оно и было.

– Ах, Алексей, когда мы разговариваем по-дружески, называйте меня Ольгой.

– А меня Марией.

– Хорошо, ваши высочества.

«Ваше высочество, так нельзя. Вы – великие княгини, а они всего лишь рядовые офицеры», – вступила в разговор мадемуазель Софи.

– Мадемуазель Софи, это мои друзья. Нам можно.

«Да, мадемуазель Софи, – поддакнул я, – мы друзья с Ольгой и Марией, нам можно».

– Ох, уж эти солдафоны.

Тут снова вступила в разговор Ольга и попросила рассказать, что у нас за награды и за какие дела они были получены. Я и ребята, дополняя друг друга, пустились в воспоминания. Панин рассказывал о наших мотопланах, Бушмен о радиосвязи, Джек об оружии, Блондин о борьбе с ниндзя, Таган и остальные парни о походах к Порт-Артуру, в Корею и бегству из Мукдена.

– Так что, ваше высочество, у вашего папы и вас под рукой есть боевой отряд, который может решить очень многие задачи.

Даже фрейлина заслушалась рассказом. Потом мы проговорили о книгах, в том числе и моих.

– Алекс, там много сражений, но очень маленькая роль у героинь. Может быть, надо добавить им подвигов?

– Тогда это будет книга о белой адмиральше, а я все-таки пишу роман про «Чёрного адмирала».

– Хорошо, пишите, как вам хочется. Я все равно его читаю с удовольствием.

– Так это вы автор «Чёрного адмирала», господин Семёнов?

– Я, мадемуазель Софи, а офицеры, стоящие вокруг меня, являются прототипами героев.

– Надо же, стою рядом с героями книжек.

Все засмеялись.

– А что с футболом, господа? Я читала в газетах о ваших

играх в победном турне, вы молодцы.

– Ольга, в таком возрасте ты действительно интересуешься футболом?

– Алекс, ты осуждаешь? Я смотрела футбол на матчах первенства с участием «Зенита» ещё в 1903 году. Мне нравится ваша игра.

– Я просто не ожидал от столь юной леди такого увлечения, хотя, именно ваш приезд к пароходу в 1903 году дал нам заряд бодрости победно провести турне.

– Вот-вот, должны же быть у меня какие-то увлечения, кроме вышивания и учёбы.

К нам подошла императорская чета.

– Девочки, вот вы где пропали, больше часа беседуя с господами офицерами.

– Папа, это же футболисты "Зенита", учёные, лётчики и ди-вер-сан-ты. Они так воевали на фронте, что если бы у тебя было больше таких солдат, мы бы точно выиграли войну.

– Конечно, дочка. Господа, благодарю, что развлекли моих дочерей. А сейчас я похищу их у вас.

Мы откланялись: «До свидания, ваши высочества!».

– До встречи, господа офицеры.

Чета с детьми и фрейлиной отошли, а мы принялись доедать то, что пришлось отложить, пока разговаривали. Императрица строго спросила у Софи: «Софи, о чем эти офицеры разговаривали с моими дочерьми? Надеюсь, что не об ужасах войны?».

– Ваше величество, они рассказали о военных подвигах, футболе и о романе, который читает ваша дочь. Даже я заслушалась. Всё было очень в меру.

– Это хорошо, мадемуазель Софи, незачем девочкам в столь раннем возрасте слушать солдатские разговоры.

Во время банкета к нашей компании подходили Ерофеев, и даже сам шеф корпуса. Затем мы немного разбрелись по залу, высматривая возможных знакомцев среди офицеров.

Я забрёл в компанию, где центром внимания был только что назначенный председателем реформированного Совета министров Сергей Юльевич Витте – умный, деятельный и внешне очень представительный человек, истинный руководитель, если бы не одно «но». Все его поступки были направлены для достижения своей, а не государственной выгоды. Сегодня за вклад в заключение мира ему было пожаловано графское достоинство, так что он весь светился радостью и уверенностью в будущем. Он был явно в фаворе, отчего купался в лучах славы, распинаясь о своих подвигах.

– Господа, прелестные дамы, увы, Роман Романович совершенно не выказывал инициативы. Всем пришлось заниматься лично мне, отстаивая интересы государства Российского. Да-с, господа! Розен лишь поставил свою подпись на итоговом документе. Вы не поверите, чего мне стоило отбить все претензии японцев. Я безмерно благодарен его императорскому величеству за то, что он по-царски оценил мой вклад в заключение мира.

– Если бы вы отказались от заключения этого мира, а продолжили войну, то Сахалин, Маньчжурия, Квантун и Корея остались бы за нами, господин председатель.

Все посмотрели на молодого офицера, отчеканившего такие слова, и с вызовом смотрящего на новоиспечённого графа.

– Не понял, господин ротмистр!

– Любой солдат на фронте знает, что генерал Куропаткин предал Россию, проиграв войну. Вы заключили такой мир, который лишил Россию всех завоеваний на Дальнем Востоке. Это такое же предательство в политике, как сделал Куропаткин на военном поприще.

– Вы, юноша, слишком молоды, и не вам судить о государственных делах. Мы поступали так, как могли в данных обстоятельствах, и сделали все, что могли.

– За всё придётся платить, господин Витте, за всё. Он наверху всё видит, и наградит по истинным заслугам.

Я отошёл, а Витте выругался: «Забавный малый с горящим взором, но голова бестолковая. Только настроение испортил!»

Не знаю, зачем я поддался искушению высказаться, лишь подставив себя под удар, просто накипело в душе. Радовало, не все лидеры уважали Витте, а многие были его политическими противниками. Этот прецедент не забылся, народ стал шушукаться, а в утренних газетах в описании бала был абзац о том, что молодой офицер обвинил Витте и Куропаткина в

предательстве России.

Поздно вечером приём закончился, и мы разошлись по домам. Рядом со мной, вдыхая сырой прохладный воздух, шёл Серж, живущий недалеко от меня. Мы болтали.

– Вот и сбылась мечта идиота – я стал дворянином.

– Да уж, Сэм, если бы ты сейчас сватался к Юле, то, однозначно, был бы встречен благосклонно.

– Не сыпь мне соль на рану, она ещё болит. Все произошло так, как должно. Зато я встретил Оксану. Значит, это для чего-то нужно нам, потому что так решили наверху.

– Здорово ты на Витте наехал.

– Толку от этого никакого, только себя подставил.

Мы разошлись по домам, я пришёл в свою квартиру, где меня встретила моя женщина, уселся в кресло-качалку, налил в бокал грамм сто коньячку и пустился размышления: «Мы взрослеем, и вместе с нами взрослеют наши планы. Если первоначально я планировал просто жить, зарабатывая мирным трудом, то происходящие события круто изменили их. Мне пришлось вступить, пусть и с благими целями, на криминальную дорогу. Затем поступил на госслужбу, где для достижения результата также потребовались мои специальные умения. Чтобы реализовывать новые планы, потребовались деньги, и я снова встал на путь грабежа и убийств, пусть и отбросов общества. Потом пришла война, где в очередной раз произошла переоценка ценностей, и мои школьные друзья стали боевыми товарищами, повязанными кровью вра-

гов. Теперь я офицер самой крутой спецслужбы России – жандармерии, дворянин – человек более высокого статуса. Увольняться из органов нельзя, они дают защиту от другой власти. Вот только как теперь, в мирное время, будет служить мне и моему отряду? Ничего, утро вечера мудреннее». Затем я искупался, покувыркался с Оксаной в кровати, после чего мы завалились спать.

После яркого и запоминающегося события в императорском дворце наша жизнь снова перешла в довоенное русло. На работе наш батальон, который находился в стадии формирования, особо не трогали, давая возможность набрать людей и провести с ними первичную подготовку. Если оперативники Особого отдела находили какого-нибудь анархиста или бомбиста, засевшего с пистолетом в квартире, тогда привлекали наших ветеранов в качестве штурмовых групп. На неделе такое случалось один – два раза, а участвовало в операции по аресту такого кекса не более отделения бойцов. Студенты восстановились в институтах и ходили на учёбу, а после занятий проводили тренировки.

Отряд тренировался по скорректированной программе. Теперь специальные дисциплины в качестве преподавателей вели Клык, Серж, ТриВ, Бинд, Скрипач, Лавр, Щука, Черкас, вступивший в отряд Сытник, гоня молодняк, ветеранов и тренируясь сами. Багай стал командовать конной подготовкой курсантов. Продолжали работать все старые преподаватели: Нагольчиков, Евтушенко, наши электрики и ради-

сты, авиаторы и автомобилисты, педагоги-математики, языковеды и русисты. Оксана обучала китайцев русскому языку и переводила им на уроках. Так что формально она прошла полный курс подготовки бойца нашего отряда.

– Леха, вы сами какие-то монстры и готовите из молодых парней безжалостных убийц.

– Мы готовим, Оксана, подразделение, которое сможет защитить лично нас.

Василий Васин за прошедшее время активно занимался развитием спорта в России, благодаря чему его избрали секретарём Олимпийского комитета. С группой молодых единомышленников и спортсменами-энтузиастами из богатого сословия он активно занялся организацией всероссийских чемпионатов по олимпийским видам спорта. Я вошёл в число спонсоров Олимпийского комитета, выделяя примерно 50 тысяч в год на проведение чемпионатов по нескольким дисциплинам, где участвовали команды клуба «Зенит»: футбол, бокс, фехтование и пулевая стрельба. Блондин после войны серьёзно увлёкся стрельбой, да и кроме него в отряде были любители пострелять. Я сам практически каждый день тренировал руку и глаз в стрельбе из пистолета и винтовки.

В сентябре 1905 года под патронажем Васяна и Билько было организовано первенство России по пулевой стрельбе. Блондин стал чемпионом в стрельбе по движущимся мишеням. Кроме индивидуальных, были и командные соревнования. В восьми категориях выступала команда общества «Зе-

нит». В командном первенстве от нашего клуба пришлось выступать мне, Блондину, Васяну и Сержу, где мы стали чемпионами в стрельбе по "летающим тарелочкам". Частенько приходилось выслушивать упрёки капитана футбольного «Зенита» Жоржа Ларина и игрока команды Васяна: «Забыли вы, друзья мои, о клубе «Зенит». Ребята сражаются в высшей лиге, но клуб болтается в зоне вылета. Помогать нам надо, однако. Что думаете, мастера кожаного мяча? Чемпионами, может быть, не станете, но сохранить команду в высшей лиге надо».

Жандармы чесали затылки.

– Что же, надо снова обувать бутсы и потренироваться в выходные. Я уже и по мячу не попаду.

– Бинд, ты футболист от Бога, так что не придумывай отмазки.

К сожалению, многие игроки первого состава «Зенита» перестали заниматься им профессионально – не хватало времени, да и жизненные приоритеты поменялись. Ребята встретили себе спутниц жизни, кто в Питере, а кто в Манчжурии, так что стало не до спорта. Но были среди нас и верные энтузиасты спорта. Блондин и Серж отошли от бокса, увлёкшись пулевой стрельбой, боксу высших достижений остался верен лишь Джек. Я же решил продолжать играть в футбол. Так же в «Зенит» вернулись Хотей, Бинд, Прут, Таран, Стар, Гор и Лавр. Пришлось молодым дарованиям, играющим на этих позициях, садиться на скамейку запасных.

Наступил пасмурный октябрь. В борьбу мы вступили лишь в середине чемпионата, сыграв в восьми матчах. И первый матч с нашим участием пришёлся на чемпиона страны 1904 года клуб «Невский». На поле выбегали футболисты в бело-синей форме и темно-зелёной, диктор объявлял по стадиону фамилии игроков. Стадион восторженно встречал возвратившихся футбольных ветеранов. Игра была напряжённой и закончилась со счётом 2-2. После матча пришлось констатировать, что мы растеряли былые кондиции. По итогам первенства, мы заняли третье место, а из кубка вылетели в полуфинале. В первенстве по боксу заматеревший Джек стал чемпионом страны в первом тяжёлом весе. Ничего, в планах на следующий год было вернуть себе утраченные лидерские позиции.

На политическом небосклоне страны веяли новые вихри. Чтобы погасить народные протесты, император пошёл на уступки, согласившись создать Государственную Думу. С начала 1905 года министр МВД Булыгин разрабатывал проект Государственной Думы первого созыва. Проект был забракован из-за неприемлемых для прогрессивной общественности положений.

Как будто по написанному заранее сценарию в октябре в Москве началась забастовка, переросшая во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку. 12-18 октября в различных отраслях промышленности бастовало больше двух миллионов человек. Всеобщая забастовка вынудили императо-

ра призвать популярного среди демократов и либералов графа Витте. По поручению императора граф Витте разработал «Манифест от 17 октября 1905 года» с новыми положениями. Манифест учреждал парламент, провозглашал и представлял политические права и свободы, такие как: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и неприкосновенность личности. Николай 2-й подписал его, тем самым запустив процесс трансформации самодержавия в конституционную монархию, а Витте был назначен председателем реформированного Совета министров.

Нас вызвал Трепов, поздравив с дворянством и наградами, а затем часа два распинался об ухудшении революционной обстановки в стране и необходимости нам усилить и улучшить свою работу.

– Что же господа, будем работать во благо страны, как работают наши лидеры государства. Я имею в виду господина Витте – крупнейшего государственного человека современности. Если он сейчас не у дел, то скоро обязательно получит назначение. При докладе Государю я высказал мнение о Витте, как о единственном человеке, который может улучшить отношения между властью и обществом. Только он способен договориться с интеллигенцией и торгово-промышленными кругами, чтобы привлечь лучших представителей этих слоёв на сторону власти. Господа, нужно совместно бороться против поднимающейся анархии. И вы должны быть моей надёжной опорой. Сейчас господин Витте разрабатывает

жизнеспособный Манифест нового политкурса страны.

Вначале я не понял, что Трепов серьёзно говорит о достоинствах Витте. Затем осознал, что воевать с Витте через Трепова – бесполезно, поэтому просто спросил: «А что даст этот манифест?»

Тут раздался звонок и Трепов стал очень любезно говорить по телефону. Переговорив и положив трубку, вновь обратился к нам.

– Только что звонил Сергей Юльевич. Слава Богу, манифест одобрен. Скоро будут даны гражданские свободы, введено народное представительство, начнётся новая жизнь!

По должности я ознакомился с манифестом и, несмотря на личную антипатию к Витте, признал, что для своего времени документ под его редакцией был составлен весьма грамотно.

К Алене домой пришла Юля.

– Ой, здравствуй, Юлька! Рада тебя видеть, проходи.

– Захотелось тебя увидеть, послушать подробнее, как там было.

– Тяжело там было. Но я так понимаю, тебя больше интересует Алексей.

– Да.

– Что тебе ещё рассказать? Несколько раз в Китае видела Лёшу и ребят. Они даже помогли нам избежать японского плена, когда о нашем госпитале забыло начальство.

– Алэн, как он?..

– Он, конечно, весь секретный. Там весь отряд ходил в интендантской форме, потому что они маскировались от шпионов вражеских, как мне потом Кэн рассказал. В частях этот отряд называли «призраки», потому что бойцы всегда были в масках, и никто не знал, как они выглядят. Много они крови попили японцам. В госпитале раненые солдатики рассказывали о непонятном отряде призраков.

– А ты откуда о нём узнала?

– Мне здесь Кэн рассказал об отряде подробнее, но просил не афишировать. Так что я одна из немногих, кто знает «призраков» в лицо. А теперь и ты знаешь. Алексей стал дворянином и коммерсантом. Он и товарищи открывают свой банк, организовали разные производства – есть такие вещи, которые в мире никто не делает.

– Алэн, может, мне снова?..

– Он вспоминал тебя. Правда, Юль, сейчас он не один. С нами в штабе служила переводчица. Он сошёлся с ней там и привёз сюда.

– Ах! Даже так...

– Да, Юль.

Пряча слёзы, Юля ушла домой.

А ещё в октябре произошли изменения в нашем ведомстве: министр Булыгин был снят с должности, следом подал в отставку Трепов. На их места пришли Пётр Николаевич Дурново, ставший министром, а шефом Корпуса был назначен свиты Его Величества генерал-майор Владимир Алек-

сандрович Дедюлин, монархист и сторонник резких мер по борьбе с нарушителями порядка. При своём вхождении в должность он познакомился со всеми начальниками.

– Читал ваш послужной список, недурно-с. Значит, ротмистр Семенов, считаете, что цацкаться с революционерами не стоит?

– Рабочие и крестьяне – это малограмотные люди, но они граждане нашей страны, поэтому через газеты им желательно разьяснять вред, который несут агитаторы. К сожалению, обычные разьяснения без реальных шагов по улучшению жизни ни к чему не приведут. Пока власти не повернутся к народу, мы будем проигрывать любым агитаторам за светлое будущее без царя. Поскольку власти ничего реально полезного для народа делать не собираются, необходимо бороться с агитаторами. Считаю, что со всеми, кто прибывает к нам из-за границы с революционными идеями, а тем более террористами, церемониться нельзя.

– Я запомню ваше мнение, господин ротмистр.

Глава 2. Бизнесмен

Снова был сбор нашего актива с участием командиров и ветеранов из всех подразделений нашего отряда. Вначале говорил я: «Друзья, пришло время конкретных решений. Мы имеем хорошие деньги для жизни обывателем. Но ведь мы не обычные обыватели: мещане, разночинцы, крестьяне. Мы познали другую жизнь – жизнь, полную риска, опасностей, подвигов и больших планов. Я предлагаю делать на этих деньгах ещё большие. Из владельцев тысяч рублей надо становиться миллионерами, а потом миллиардерами. Хватит быть «романтиками большой дороги», грабящими относительно богатых, но сущих бедняков в сравнении с настоящими воротилами государственной экономики. Пора и нам становиться серьёзными людьми. Сила и знания у нас есть, а перспективы я укажу. Все согласны или кто-то желает оторваться от коллектива и идти своим путём?»

На правильно поставленный вопрос получишь правильный ответ. Желающих оторваться от коллектива не было, тем более что это было бы просто глупо.

– Тогда все снова получают премии, а основные деньги отряда мы пустим в новое дело. Наша жизнь сделала очередной виток, и настало время задуматься о новом статусе нашей жизни. И первое, что нам нужно – это специалисты банковского сектора. Может быть, у кого-то родственники, родители

ли, знакомые имеют такие специальности и захотят с нами работать? Сейчас я чуть подробнее расскажу, что я хотел бы видеть в будущем».

Выслушав меня, взял слово Вова Лазарев.

– Лёш – ты, я, Ник, Блондин получили экономическое образование, так что всё, что ты предлагаешь, мы сможем реализовать. В конце концов, у нас есть родители и хорошие знакомые, кто подскажет на первых порах. Единственно, что создание банка мы не потянем, тут нужны специфические знания.

Поднялся Павел, который Блондин.

– Друзья, моя мать работает в одном из банков Петербурга. У неё есть подруги, также работающие в этом секторе лет по двадцать. Насколько я знаю, у мамы сейчас некоторые сложности по работе. Возможно, что этих спецов заинтересуют условия, которые мы предложим.

– Хорошо, Паша, исходя из наших возможностей, давайте разработаем такие условия. Вторым является вопрос строительства. Я за неделю напишу общее техническое задание на то, что хочу видеть. Товарищи учёные, прошу дать ваши предложения по лабораториям и небольшим производственным цехам, в которых вы будете делать новые открытия. Стар, ты у нас будущий строитель и постоянно крутишься в этой среде. Есть ли у тебя хорошие знакомые в этом деле или будем обращаться в любую проектную фирму?

– Папа у меня владеет небольшой строительной фирмой,

сотрудничает с проектным институтом и субподрядчиками. Если к нему обратимся, он выступит генподрядчиком. Ещё в институте у меня есть друзья – все будущие строители разных направлений. Их я и приглашу к сотрудничеству – будем готовить наш дипломный проект.

– Потянете? Грунты-то там проблемные.

– Для этого есть отводы и гидродренажи. Гидрологию у нас читает доцент Греков Георгий Стефанович, а практику ведёт Александр Новосёлов – оба кроме преподавания имеют фирмы по данному профилю. Они нам так и говорят: «Чем больше у вас будет практики, тем лучше запомнится теория». И к ним всегда можно обратиться за консультацией.

– Замётано. Нужно будет выкупить землю, чем займусь я сам. Предполагаю искать территорию для нашего городка в этом районе. Кстати, к цехам потребуется подвод железной дороги.

"Я возьму на себя весь цикл: оформление разрешения, проектирование и контроль работ», – предложил Сытник.

– Давай, Серёж, действуй. Деньги найдём на любую потребность, главное – результат. Встречаемся через неделю с банкирами, а через две – со строителями.

Земля принадлежала муниципалитету города. Так что, где на общих основаниях, подав прошение, где по звонку и удостоверению, а где и с благодарностью в несколько тысяч рублей, дело сдвинулось. Через месяц я стал владельцем большого участка земли, ограниченного Лахтинским разливом,

рекой Глухаркой, и будущими Приморским проспектом с Западным скоростным диаметром. Берега Большой Невки и Финского залива были застроены дворянскими усадьбами, среди которых располагалась и наша база, а далее начинались приобретённые мной владения.

В субботу состоялась встреча с мамой Блондина, элегантной и эффектной дамой за сорок. Я был с ней «шапочно» знаком, но сейчас нам предстояло вместе работать. От нашего отряда присутствовали офицеры и руководители направлений, а также Иван Ерофеев. Леонидова пришла не одна, а со своими подругами – такими же профессионалами банковско-бухгалтерского сектора.

– Знакомьтесь, господа: Алена Анатольевна Прутская – управляющая в торговом доме купца Исаева, её сестра Елизавета – юрист адвокатской конторы, Наталья Алексеевна Химченко – специалист по биржевым операциям «Коммерцбанк», Елена Николаевна Ковалёва – управляющая филиалом этого банка, Наталья Валерьевна Кащенко – главный бухгалтер филиала, и я, Ольга Валерьевна, управляющая центральным офисом. Ко всему прочему я занимаюсь биржевыми операциями, которые можно охарактеризовать, как фьючерсы и опционы ценных бумаг, преподаю этот раздел в Смольном институте. Владелец банка решил эмигрировать в США, так что свою деятельность в России банк прекращает, и мы остаёмся не у дел.

– Так вроде опционы ещё не в ходу?

– Алексей, в 1820-е годы на Лондонской фондовой бирже появились первые опционы на акции. В США опционной торговли нет, здесь я с вами согласна.

– Прошу прощения, не знал. У нас в институте курс биржевой торговли будет в следующем году.

– Но вы собираетесь работать на бирже?

– Поверьте, Ольга Валерьевна, я в курсе, как работает биржа. А истории опционов не особо-то и важна. Мне надо пару месяцев поиграть по-маленькому, присмотреться к работе столичной биржи в этом времени, и затем можно вводить деньги посерьёзней.

– Итак, Алексей, давайте уточним, что вы хотите и что вы имеете в качестве финансового обеспечения. Я приведу немного статистики, чтобы вы представляли себе финансовые параметры российского рынка. К 1875 году в империи было учреждено 357 акционерных обществ: 53 железнодорожных с капиталом примерно в 700 миллионов рублей, 73 банка с капиталом порядка 220 миллионов и 163 промышленных с капиталом в 130 миллионов рублей. Сейчас акционерно-паевых предпринимательских структур насчитывается около 1400, то есть, официальные капиталы участников торгового рынка страны зафиксированы на уровне примерно четырёх миллиардов рублей.

– Скажем так, я и мои товарищи оперируют суммой в 68 миллионов рублей, что на фоне других банков очень даже и неплохо.

– Сколько!?! Паша что-то говорил о миллионе рублей.

– Это его доля, а у нас таких долей несколько. Вот только с их легализацией пока проблема.

– Легализовать деньги мы сможем. Сделаем так: основываем банк с уставным капиталом тысяч в сто рублей. Затем наш эмиссар отправляется, например, в Румынию – это бардачное королевство, где любые проблемы решить проще и дешевле, чем в той же Германии. Можно сделать вклад в любой банк, но надёжней отрыть филиал своего. В него частное лицо делает физический вклад на основную сумму, а далее осуществляем перевод денег из Бухареста в центральный офис банка в Петербурге. Либо можно заключить контракт на услуги с организованной там же фирмой-однодневкой и пропустить через банк её деньги. Всё – капиталы легализованы. Их даже вывозить никуда не придётся, все оформим и прикроем бумажками отсюда. Это примерная схема, технические детали доработаем. А теперь расскажите, что вы планируете делать?

Я стал рассказывать о планах развития нашего дела: о банке, работе на бирже, о микрорайоне в Приморке, где будет жилой и научный городок, а также небольшие производства. Женщины посоветовались, и мы стали решать, какую форму организации выбрать. То, что это будет управляемое Советом директоров закрытое акционерное общество, чтобы все руководители имели в нем долю и были заинтересованы в его развитии, споров не вызвало. Решали, как правильно ор-

ганизовать наше предприятие.

– Стоп, спорщики! Давайте я назову формы организации предприятий, тогда и выберем ту, которая нам подходит. Итак, картель – объединённые в группу независимые фирмы, которые согласуют свои действия друг с другом; холдинг – материнская компания, которая контролирует более мелкие дочерние компании, концерн – финансово-промышленная группа компаний разных отраслей промышленности. Они сохраняют юридическую и хозяйственную самостоятельность, но координируются доминирующей финансовой структурой; трест – объединение, в рамках которого участники теряют самостоятельность. Реальная власть в тресте сосредотачивается в руках правления или головной компании. В США первый трест «Standard Oil» в 1879 году основал Рокфеллер. И синдикат – объединение предприятий отрасли для устранения конкуренции, иначе говоря – монополия. Члены синдиката сохраняют производственную и юридическую самостоятельность. Последнего у нас быть не может – маленькие мы ещё.

Обсудив варианты холдинга, треста и концерна, была выбрана структура «концерн», состоящая из закрытых акционерных обществ, работающих при доминанте банка. Концерн «Зенит Рус» назвали в честь нашего спортивного общества, но с указанием принадлежности к Руси. На первом этапе в предприятие вошли «Банк Зенит Рус» с гендиректором Леонидовой, её заместителем – директором по разви-

тию Ковалёвой и главбухом Кащенко, маклерская контора «Зенит маклер» с директором Химченко и первыми сотрудниками-стажёрами: Леонидовым и Кущёвским, научно-промышленное объединение «НПО Зенит Рус» с директором Тагановым и его замом Бушкиным, и торговый дом «Зенит торг» с гендиректором Лазаревым, коммерческими директорами Щукиным и Владимировым. Джек, Бинд и Митяй получили должности вице-президентов по направлениям: силовому, административному и техническому. Все фирмы, будучи юридически самостоятельными, имели в своём названии слово «Зенит», ставшей нашей торговой маркой. Это делалось для того, чтобы разграничить ответственность. Если у одной фирмы будут проблемы, то остальные должны функционировать в штатном режиме.

Все директора и управляющие, а также силовик Ерофеев, вошли в состав Совета директоров новообразованной структуры, а первыми акционерами стали бойцы отряда «ОСО» и гражданские сотрудники «НПО Зенит Рус». Я стал президентом компании и председателем Совета директоров с решающим голосом при голосовании и правом вето. Обговорили тарифную сетку, заработные платы и премии руководства. Зарплата сетка рядовых сотрудников с 1903 года обкатывалась на предприятиях Обухова. Леонидова предложила назначить главным по кадрам свою родственницу Алену Прутскую, юристом взяли её младшую сестру Елизавету, а исполнительным директором Марию Куцевскую, жену Ни-

ка, имеющую опыт работы в этой сфере. Впереди у нас была работа по оформлению уставных документов и регистрации обществ, набору сотрудников и аренды помещений, так что мне было на кого свалить эти задачи.

Павел провожал маму с её коллегами домой.

– А твой Алексей – парень «не промах». Такое ощущение, что ему лет пятьдесят, и он всем этим уже занимался.

– Мама, он наш сверстник, но ты права, он столько знает и умеет, что весь наш отряд, вместе взятый, с ним не сравнится. К тому же, он знает многое из того, что произойдёт в будущем. Он может ошибиться в мелочах, но в главном он всегда прав. Если мы будем спорить с тобой по работе, то я встану на его сторону.

– Спасибо, сынок.

– Зато честно. Вы сами убедитесь в том, что его ведёт Бог.

Организованной Прутской кадровой службой набирались обычные работники, а передо мной стояла задача подбора выдающихся специалистов. Несколько дней я вспоминал тех, о ком когда-то читал. Пользуясь своим служебным положением, я подготовил запрос и озадачил им Ерофеева. Тот подписал мою «маляву», отправив по инстанциям в регионы. Для её исполнения напряглись региональные управления жандармерии, охраны и полиции в нескольких губерниях. Моя идея заключалась в создании под крышей «Зенита» мощного научного центра. Маститых учёных я не рассматривал, кроме вариантов временного сотрудничества по до-

говорам. Все они были важными, имели в своём распоряжении кафедры институтов, высокие зарплаты и статус, и менять что-либо не собирались. Я же искал молодёжь – будущих изобретателей и конструкторов, которым только предстоит оставить свой след в российской и мировой науке.

Через пару месяцев ко мне стали поступать данные о запрашиваемых людях. Проблема была в том, что некоторые из них сейчас были гимназистами или учениками церковно-приходских школ. Но ничего, если это те, кто мне нужен, что будет видно по их интересам, то я оплачу переезд и проживание в Петербурге, обучение в местной гимназии и школе юных техников с реальной практикой у нас на производстве.

Стар обратился к отцу.

– Папа, мы собираемся строить заводы.

– Хорошо придумали, а кто будет главный строитель? Надеюсь не ты, ха-ха-ха! Говорил тебе, учись в институте, а вы, недоучки, на войну отправились.

– Зато я себя проверил, медали и ордена имею за реальные дела, а не в штабе штаны протирал.

– Герой – это хорошо, а ещё лучше, что целым приехал. Чтобы такие дела начинать, как ты говоришь, деньги нужны немалые.

– Я один из акционеров стройки.

– И сколько ты вложишь в неё, свою повышенную стипендию?

– Моя доля составляет в общем котле почти миллион рублей.

– Где же ты такие деньги добыл?

– Не я один, а весь наш отряд. За линией фронта в Китае японские банки как консервы вскрывали.

– Вот оно что...

– Вот то-то и оно, папа, что уже банк организовали и я его акционер. Предприятия собираемся строить – новые деньги зарабатывать надо. Всем руководит Лёха. А сейчас мы ищем надёжных и грамотных строителей, кто возьмётся за наше дело. Я и предложил: «Мой же отец строитель с большим стажем, может быть, он возьмёт наш заказ».

– Значит, твой Алексей не только полицейским, но и бизнесменом оказался... Давай встретимся, переговорим.

В итоге, мы встретились с Владимиром Ивановичем Стартовым. Когда у меня были на руках документы на собственность земельного участка, он ознакомился с техзаданием на жилой комплекс, лаборатории и экспериментальные цеха.

– Серьёзно размахнулись. Раз такие дела, приглашу проектировщиков, будем думать. Как контракт заключать будем?

– Владимир Иванович, мы берём вас на генподряд, платим деньги, а сдача объекта «под ключ» за вами.

– Хорошо.

На неделе снова встретились наши учёные, оба Стартовых и специалисты столичного института градостроитель-

ства. Заказ намечался дорогой, так что на эту встречу прибыла целая бригада проектировщиков: начальник отдела Юрий Горьков, расчётчики Сергей и Валентина Джанлатян, Альберт Куликов, Леонид Ростов; архитекторы Сергей Косен, Станислав Лоханкин, Галина Комарова. Также были приглашены директора строительных фирм: электрик Сергей Бобнев, связист Дмитрий Базавлук, энергетик Андрей Шевцов, специалисты по водоотведению и водоснабжению Александр Новосёлов, Георгий и Илья Грековы. Я обратился к Шевцову: «Андрей, а у тебя есть брат?»

– Есть. Зовут Анатолий, он армеец, воевал в русско-японскую.

– Знакомый товарищ. А где он сейчас?

– Служит в Якутске – мы оттуда родом.

Кроме них, по приглашению Стара пришло человек десять студентов с горящими глазами, очень желающих поучаствовать в практических работах, которые, к тому же, будут оплачиваться. Работы предстояло много, денег требовалось тоже немало, так что перед всеми были поставлены конкретные задачи. Объёмы были разбиты на очереди, и началась подготовка к стройке.

Оксана очень спокойно вошла в мою жизнь, так что я стал почти женатым. Венчаться мы не стали, но жили и радовались жизни вместе. Сняв, благодаря Оксане, заботы по организации своего быта, по вечерам я взялся за приключенческий роман о бравых похождениях корнета Семёна Алексе-

ева на Дальнем Востоке в войне против японцев. В качестве прообраза шустрого пехотного офицера Алексеева я использовал собирательный образ нескольких ребят из роты. Так что герой получился на редкость геройский, умный, умелый и пронырливый. А когда было настроение и возможность, на воскресных посиделках у нас в квартире зачитывал написанные главы, и коллектив угадывал, кто из ребят больше всего похож на героя в данном эпизоде.

Начав работу концерна, оказалось, что одного юриста очень мало, Лиза просто не успевала выполнять тот объём работ, который на неё упал. Требовалось расширение. Решая вопросы с приобретением участка, пришлось консультироваться у юристов земельного департамента. Помогла мне, объяснив мои шаги, начальник юридического отдела Володина. К ней я и решил обратиться. Дождавшись её после работы, пригласил в кафе и объяснил ситуацию.

– Галина Владимировна, к вам с такой проблемой. Юрист у нас одна, с раскруткой фирмы нагрузка возрастает, она физически не успевает всё вовремя отработать.

– Наймите юридическую контору.

– Понимаете, Галина Владимировна, юридических или адвокатских контор много, да толку мало. Обращались в две конторы, но не договорились. Хотелось бы по рекомендации выбрать, с кем сотрудничать.

– Тогда рекомендую адвокатскую контору "Закон и право". Её директор – мой муж, Володин Пётр Иванович. И не

надо улыбаться, их услугами вы останетесь довольны.

Я навёл справки об указанной конторе, встретился с Петром, он ознакомился с нашими потребностями, и через две недели мы подписали договор, по которому нас взяли «на обслуживание». Пётр Иванович оказался матерым волком юриспруденции, и когда дело касалось арбитражных тяжб, он лично вёл наши дела. В будущем, благодаря профессионализму юристов, в арбитраже мы очень часто выигрывали споры с недобросовестными поставщиками, поэтому затраченные на оплату юридических услуг деньги, оборачивались приличными выигрышами по судебным искам.

Работа шла по всем направлениям: бойцы тренировались, администраторы оформляли документы и вели учёт, финансисты учились зарабатывать деньги, студенты и учёные разрабатывали новые или модернизировали приборы, технари выпускали, а торговцы продавали продукцию. Естественно, были диспуты и споры. Приехав на один из таких научных вечеров, попал на обсуждение новой мировой звезды физики, молодого учёного Альберта Эйнштейна. За один 1905 год он выдал три фундаментальных открытия в относительно разных областях физики. Все учёные мужи нашего предприятия спорили о возможности таких открытий, желая совершить нечто подобное. Слушая их, у меня разболелась голова, отчего я стукнул рукой по столу. Поняв, что меня не услышали, я стукнул ещё раз, после чего все посмотрели на меня. Я же выпалил.

– Господа-товарищи, хватит драть горло. Вместо того, чтобы заниматься делом, вы занимаетесь ерундой. Спор – это тупик любого дела, потому что он обычно заканчивается тем, что один спорщик начинает объяснять другому, что тот тупой и ничего не понимает в колбасных обрезках. Так что ваш диспут, который называется спором, имеет относительную вероятность закончиться словесными оскорблениями или мордобоем.

– Мы – интеллигентные люди. К тому же, товарищ Алексей, в споре рождается истина! Это сказал...

– Мало ли кто чего сказал. Если проанализировать результаты споров, то видно, что в споре рождается не истина, а головная боль, осипшее горло и стойкое убеждение, что твой собеседник – упрямый осел, не желающий принимать очевидные факты. Решение проблемы или истина рождается в совместном мозговом штурме, когда люди не спорят, а предлагают варианты и обсуждают их. Есть хорошая притча по этому поводу.

– Просвети же нас, о мудрейший сказитель притч.

– Слушайте и благоговейте перед моей мудростью: «Журналист брал интервью у известной актрисы, несмотря на почтенный возраст, отлично выглядящей: «Мадам, в чём секрет вашего замечательного внешнего вида и молодости?»

– Всё очень просто, я никогда не спорю с дураками.

– Но ведь это невозможно!

– Невозможно, значит, невозможно...»

В чём мораль сей истории? Она сохраняет себе здоровые нервы, отличное настроение и жизненный позитив, не пуская в своё сознание негативные эмоции о собеседнике. Так что, когда после спора будете хвататься за сердце или за разболевшийся лоб, вспомните эту историю. Вернёмся к жизненному пути сего гения, а вы следите за фактами. Его отец и братья занимались торговлей электрооборудованием, то есть с детства Эйнштейн имел понятие о физике электричества. Когда Альберт стал студентом, родительская фирма разорилась, и Эйнштейн стал испытывать нужду в деньгах. Политехникум в швейцарском Арау будущий гений окончил весьма посредственно, отчего никто из преподавателей в ассистенты его не взял. В итоге, чтобы было на что жить, он устроился работать в патентное бюро в Цюрихе. Жил он настолько нище, что голодал по несколько дней, посадив себе печень, о чем дал интервью, став известным. Это говорит о том, что заниматься физикой, покупать оборудование и что-то исследовать, ему было просто не на что!

А вот дальше, по совету своей супруги Милены Марич, он организовал скромное семейное научное предприятие, периодически публикуя статьи по физике в научных журналах. Его не замечали до тех пор, пока Эйнштейн не выдал мощные открытия в трёх смежных, но все-таки разных областях физики: квантовой теории, теории относительности и термодинамике. Никто не сомневался бы в его гениальности, если бы не одно но! В далёком 1890 году, то есть за пятнадцать лет

до Эйнштейна, английский математик и физик Оливер Хевисайд исследовал процессы поглощения и излучения физическим телом электромагнитных волн. В результате он вывел формулу: энергия объекта равна произведению его массы на квадрат скорости света в вакууме. За это открытие Оливер Хевисайд в 1891 году был избран членом Английского Королевского Общества, но ничего не сделал для того, чтобы приехать в Лондон для «прохождения формальностей».

А теперь дайте мне ваш «Берлинский научный журнал» за 1905 год, где мы читаем: «Молодой физик Альберт Эйнштейн провёл опыты и рассчитал формулу взаимосвязи массы тела и энергии: $E = mc^2$ ».

Оказалось, что Хевисайд на момент публикации этой теории был жив. Так что результаты исследований, давшие Эйнштейну известность, вызывают большие сомнения в авторстве. Возможно, что все свои фундаментальные открытия он взял из чужих патентов.

– Ничего себе! А как же Хевисайд?

– Кто первый запатентовал, того и тапки. А Хевисайд живёт и работает у себя дома. Поэтому, хватит спорить просто так. Есть задача, навалились и выдали свои гипотезы. А я посмотрю, заценю, может, чего умного подскажу. Как у нас дела со скремблированием радиостанций?

– Никак. Нужны люди, которых ты называешь программистами, то есть инженеры особого склада ума.

– Что я могу сказать? Ищите в Политехе и Техноложке

таких парней.

Были набраны сотрудники банка и маклерской конторы. Чаще брали на работу выпускников, потому что ими было проще управлять, чем пожилыми сотрудниками. Получив базовые знания в институте, молодёжь познавала тонкости работы с биржевыми котировками. Наталья, руководя конторой, рассказывала о тенденциях и негласных правилах работы на бирже. Ребята анализировали динамику роста или падения курса акций в зависимости от времени рабочего дня, вступления в игру крупных игроков и их ухода на отдых. Молодые маклеры покупали и продавали акции на небольшие суммы, выигрывая или пролетая.

– Мы купим акции, получим дивиденды и сразу сольём их.

– Павел, всё не так просто.

– Но ведь есть объективные реалии, графики торгов, политические новости.

– Всё верно, Ник. Работа биржи, конечно, зависит от всего перечисленного, но больше всего она зависит от игры нескольких десятков крупнейших игроков. Всплески активности бывают, когда открывается Питерская биржа, затем все крупнейшие европейские – Лондонская и Парижская. С Нью-Йоркской у нас нет пересечения по времени, но их индексы также влияют на ситуацию.

Ребята снова проверяли общепринятые и свои личные теории, а директор подсказывала, на что надо обращать вни-

мание и где они ошибаются.

– Не суетитесь. Биржа не любит паникёров. Смотри, вроде непонятно отчего так уверенно пошли вверх акции этого завода. Что служит трамплином?

– Ничего. Новых запасов минералов не найдено, дефолтов или госзаказов предприятие не получило.

– Ты должен понимать, Паша, что на нём решил сыграть кто-то из сильных мира сего. Твоя задача среди нескольких предприятий, акции которых с утра пошли вверх, но упадут через полчаса, выбрать то, которое потянут ещё выше, успеть купить акции и к обеду их продать.

– А если их держать до утра?

– Игрок заработал на повышении и потерял к ним интерес, а ты - "пассажир". Успеешь слить акции – окажешься на наваре, не успеешь – все убытки последующего падения акции биржа покроет за счёт таких, как ты. Ты должен упасть на хвост тяжеловесу и сыграть свою игру, заработав на росте акций, но продав раньше, чем начнёт продавать он.

– А на дивидендах?

– Проверь.

И парни проверяли, обсуждая результаты.

– Твою мать! Все так отлично, я заработал на дивидендах 2000 рублей.

– Это отлично, чего тогда нервничаешь?

– Акции завода на утро упали так быстро, что я потерял 3800, не успев их продать по приемлемой цене.

– Да, в течение 15 минут произошёл конкретный обвал. Что делать?

– Будем скупать акции по низкой цене.

– Это если у тебя есть деньги на новые покупки.

– Мужики, не спорьте. Пусть мы пролетели на обвале, зато получим дивиденды, а акции точно поползут вверх.

– Пока будем ждать повышения заморозим десятки тысяч рублей на длительный срок без реального выхлопа. Лучше продать такие акции, минимизируя потери, и сразу вложиться в новые.

– Если продать их сейчас, то мы вылетим в трубу с такой минимизацией. И где гарантия, что новые акции покроют прошлые убытки? Лучше ждать, когда они станут приносить прибыль.

– Ребята, попрошу разговаривать культурно. Биржа – это место по отбору денег у слабых игроков, и никакой честной игры здесь нет. Но работать на ней можно и делать хорошие деньги тоже можно. Для этого мы выстраиваем свою стратегию, учитывающую интересы нашей фирмы. Мы не чистые игроки, задача которых просто заработать. Наша задача выкупить нужные предприятия для консолидации в наших руках предприятий, производящих интересные нам товары. Так что, мальчики, набивая шишки, анализируйте все ваши наблюдения, делитесь ими между собой, и зарабатывайте. Мы – одна команда!

– Наталья Алексеевна, а вы всё понимаете и знаете, куда

пойдёт рынок?

– Нет, конечно, просто имею больше опыта, поэтому допускаю меньше ошибок. Если провести аналогию, то я музыкант-исполнитель, а куда пойдёт биржевой рынок знают лишь те, кто заказывает музыку. В этом деле очень полезна инсайдерская информация. Это понимают руководители нашего банка и ищут выходы на тех, кто работает в нужных учреждениях. В конечном итоге, наша задача стать теми, кто музыку заказывает.

– Надо вваливать миллионы.

– Пока наши активы – копейки, по сравнению с активами негласных хозяев биржи. Так что работайте и преумножайте наши капиталы. Приведу вам пример об управлении на бирже. А вы подумаете, кто управляет нашей биржей. В 1602 году Голландская Ост-Индская компания впервые выпустила в оборот свои акции на Амстердамской фондовой бирже.

– Нормально!

– Конечно, нормально, Ник, но дело в том, что Амстердамскую фондовую биржу учредила сама компания. Так что, если говорить честно, то биржа – это финансовая структура, направленная, в первую очередь, на обогащение её создателей. Смотрите сами – пришла зима, казалось бы, акции компаний, добывающих и продающих нефть, газ, уголь должны уверенно идти в рост, а они непонятно по какой причине чуть ли не наполовину своей стоимости падают. Аналитики объясняют, мол, в ЮАР нашли уголь. Ну и что, что нашли.

Этот уголь нужно добыть, перевезти в Европу и продать, а это годы, да ещё какая будет на него цена и его качество. Но «медведи» играют на понижение, обваливая рынок, а затем задёшево скупают акции предприятий, по сути, меняя их собственника. Так создаются промышленные империи.

Так появляются монополии. За этим следует повышение отпускных цен на востребованную продукцию. А её купят по любой цене – топить домашние печки или печи заводов зимой обязательно потребуется.

За прошедшее время я подружился с редактором «Ведомостей» Марией Сибяевой. Будучи у неё в гостях, познакомился с её дочкой, воспитанницей Смольного института, Мариной Мамаевной, как она мне представилась. Девушка была миниатюрной блондинкой с очень острым язычком. Слушая её рассказ о девицах, с которыми она училась, мне было смешно. Сатира в описании нравов и поведении "бог-а-атых девиц" так и пёрла из её рассказов.

- Марина, тебе бы в писатели, как мама, надо было идти.
- Лучше в критики или журналисты.
- Репортёр или ведущая ток-шоу из тебя была бы хорошая.

Прошлась она и по моей книге, сказав, что половина событий явно придумана и такого в жизни не бывает, а половина – «так себе», можно читать.

– Ну, всё, Мамай прошёлся по Руси. Мамаевна, позволь совет старого писателя. Прежде, чем критиковать кого-либо,

попробуй сама сделать такое. А вообще у меня на тебя есть творческие планы.

Так в рабочих делах и становлении нашей фирмы закончился тяжёлый 1905 год, уступив место новому. Мысленно подводя итоги, я констатировал, что прошедший год принёс мне хорошие изменения в спорте, работе и личной жизни.

Батальон был набран, курс его подготовки уверенно перевалил экватор, так что через пару месяцев будут выпускные экзамены. Новоиспечённые жандармы должны были негласно, кто же разрешит такое, кроме отморозенных руководителей отряда, проверить себя в реальной обстановке, попутно заработав деньги на своё будущее. В феврале выпускники были разбиты на боевые группы во главе с ветераном отряда, которые отправились в южные города страны. В их задачу входило проведение чисток в криминальной среде. За месяц они должны были выявить противника, проследить за ним, определить сферу его деятельности, а затем точечным уколом, замаскированным под несчастный случай, убрать. При этом особым шиком считалось вытрясти с него денег.

– Не мучьте себя ненужными вопросами. Вы должны понимать, что вор, убийца или мошенник должен быть наказан. Если из-за несовершенства законов или грамотности бандита его не могут посадить официальным путём, тогда в действие должен будет вступить закон справедливости в вашем лице. Сейчас и в будущем спецслужбы мира убирают неугодных людей. Так в своё время пытались поступить с на-

шим учёным Филипповым. Мы спецслужба в спецслужбе, её негласное боевое крыло с функциями санитаров общества.

В нескольких городах южной России произошёл массовый падеж лидеров криминального сообщества. Блатные и рецидивисты тонули, захлёбывались водой или водкой, задыхались, бились головой о ступеньки, вешались, оставляя на столе записки с раскаянием. Полиция была в некотором шоке, как и сами бандиты. Когда в течение месяца случайно умирает один-два человека, это естественно, но когда умирает два десятка – это пугает. На полицейских выходили бандитские авторитеты, пытаясь прокачать ситуацию. Однако никто ничего не знал. Поэтому разговоры между полицейскими чинами и, чаще всего адвокатами, происходили по такому сценарию.

– Типичный несчастный случай.

– Ваше высокоблагородие, это вам особый презент. Нижайше прошу принять. Только узнайте, откуда дует ветер. В этом месяце это восьмой здоровый мужчина, захлебнувшийся водой. Такого не бывает!

– Но он же захлебнулся?

– Да!

– Значит и такое бывает.

А через месяц всё прошло. Полицейские сводки снова стали с обычными среднемесячными показателями, города вернулись к обычной жизни. На базе люди сдавали в кассу отряда добытые деньги или украшения. Кто-то привозил хо-

рошие суммы, кто-то маленькие, а кто-то отработал вхолостую, зато уничтожил врагов общества.

– Всё нормально, парни. Ваша задача научиться безжалостно уничтожать врагов, а деньги лишь сопутствующий довесок. Ваши доходы будут поделены между членами отряда согласно нашим правилам. Рекомендуем сделать вклад в банк «Зенит Рус». После расчётов с бойцами на счетах банка появлялись вклады физических лиц миллиона на два рубля.

Глава 3. Цепные псы царизма

Ещё в 1901 году в стране началось революционное брожение масс. В 1902 взволновались крестьянские губернии Харькова и Полтавы, начались массовые стачки и демонстрации рабочих в Киеве, Одессе, Златоусте, Ростове, Тифлисе и паре десятков крупных промышленных центров. Брожение масс усиливалось, приобретая формы организованной борьбы. Расколовшееся общество и политическая оппозиция разделились на десятки партий самой разной направленности. Крупнейшими на начало двадцатого века стали партии социал-революционеров – «эсеров», конституционных демократов – «кадетов», социал-демократов – «РСДРП», октябристов и «Союз русского народа». А ещё были народные социалисты, прогрессисты, анархисты, черносотенцы, украинская народная партия, еврейский БУНД и много мелких образований типа «Партия любителей водки и закуски». Идеологическая база всех российских партий того периода

были сумбурными и однотипными, а состав пёстрым: в одной ячейке собирались крестьяне, рабочие и образованная интеллигенция. Однако именно оппозиция стала тем двигателем, который направил страну по пути к революции. Именно из этих партийных ячеек в народ шли агитаторы, провоцируя его на стачки и демонстрации. А идеологи и руководители этого брожения работали в государственных кабинетах Германии, Англии, Франции, Австро-Венгрии и США. Сейчас они платили большие деньги за развал империи, чтобы получить гораздо большие дивиденды в будущем.

Несмотря на то, что война закончилась и началась мирная жизнь, наше подразделение активно использовалось. Правда, политических убийств, как это будет делать «Моссад» с врагами Израиля, нам не заказывали, то есть мы работали по «шестёркам» – рядовым террористам или шпионам, не трогая лидеров партий или иностранных резидентов. После Цусимского и Мукденского поражений народ был в ярости от действий собственного правительства, позорно проигравшего войну с Японией, отчего мирные стачки переросли в вооружённое восстание. Многие юнцы, попробовавшие крови, не хотели работать, а желали двигать революцию, при этом грабя всех, кого получалось. Конечно, были и идейные борцы за светлое будущее, но все они также использовали любые методы борьбы.

Вот с такими активистами боролось наше подразделение, используемое властью в качестве бойцовских «псов». Ника-

кие этические нормы нас не смущали. Война из доброжелательных ребят сделала жёстких солдат. К тому же все мы хотели жить, а те, кого мы успокаивали, без зазрения совести стреляли в нас, кидали камни, ножи и бомбы. В ответ мы не церемонились с ними. На базу отряда поступил очередной телефонный звонок от Ерофеева.

– Семёнов, от наших агентов поступила информация, что бомбисты, подорвавшие машину начальника полиции Центрального района столицы, засели в здании в Малоохтинском переулке.

– Группа на выезд.

На тачанках, с закрытыми масками лицами, группа выезжала на объект. Подъехав к зданию, из-за усиленного металлического щита представитель власти в рупор кричал.

– Товарищи террористы, вы окружены, сопротивление бесполезно. Предлагаем добровольно сложить оружие и выйти с поднятыми руками.

– И что нам за это будет?

– Суд определит меру вашего наказания.

– Пошёл ты, душитель свободы!

Далее по говорившему жандарму начиналась ружейная или пистолетная стрельба. В ответ вытаскивался гранатомёт, из которого в окно дома летела граната, осколками выводя из строя всех, кто находился в комнате. Если была возможность подойти поближе, а дом стоял на отшибе, то могли пальнуть из огнёмёта, а поджаренных боевиков, выскакива-

ющих через окна и двери с другой стороны дома, уничтожали из винтовок или пулемёта. Зачастую менее стойкие революционеры, когда их начинали убивать, сдавались сами. Таких арестовывали и допрашивали, выявляя руководителей. После дела на стол начальству ложились отчёты об уничтожении очередного гнезда террористов, протоколы допросов, информация на организаторов и пособников.

В начале 1906 года мощное стачечное движение охватило Тамбовскую губернию. Встали фабрики и заводы, студенты и гимназисты устраивали погромы в институтах, училищах и гимназиях. Взбунтовались крестьяне, сжигая помещичьи усадьбы, в некоторых вотчинах произошли убийства помещиков. Решение этой проблемы было поставлено перед руководством МВД, а оно озадачило свои структуры: полицию, охранку и жандармерию.

Снова вызов в управу. Сегодня я присутствую на оперативном штабе у генерал-майора Дедюлина. Рядом со мной за длинным столом сидит Ерофеев, а далее расположились начальники крупных отделов. Шеф рвёт и мечет, говоря о том, что мы зря едим казённый хлеб.

– Как же вы допустили! Почему не предупредили волнения! Куда смотрело местное отделение полиции и охранки? Куда вы смотрите? Семенов, прекратите пялиться на портрет императора, всем на меня смотреть!

– Виноват, есть смотреть на вас!

– Твою губернию, он ещё и шутит. Отправлю вас всех в

Сибирь каторжников ловить, а Семенова с его бандитами – первого. Они это очень хорошо умеют делать, после них ни одного террориста в живых не остаётся. Пораспустились у меня!

Выпустив пар, шеф начинает говорить вменяемо.

– Дело очень серьёзно, на контроле у государя. Нужны радикальные меры. Общая ситуация такова. Сейчас по всей России проходит начавшаяся в октябре прошлого года Всероссийская политическая стачка. Особая напряжённость наблюдается в Тамбовской губернии. Бастуют рабочие механического завода Петтера и Махова в Тамбове, железнодорожники в Козлове, текстильщики и другие мануфактурщики в Моршанске. На площади перед вокзалом в Тамбове почти каждый день собираются многолюдные митинги. По донесениям сотрудников охранки, некоторые ораторы призывают к вооружённому восстанию против царской власти. К счастью, таких меньшинство, большая часть митингующих требует мирного и постепенного улучшения своей жизни.

Как мы все понимаем – не выстрелы эсеров и не революционная пропаганда социал-демократов запустили русскую революцию. Возмущение народных масс по всей России прорвалось после «кровавого воскресенья» в Петербурге. Генерал Рыдзевский снят, но, увы, своё дело сделал, а нам теперь расхлёбывать. Семенов, прекратите зевать!

– Есть прекратить зевать!

– Но это ещё не всё. Эсеры Катин и Кузнецов убили ви-

це-губернатора Тамбова господина Богдановича. Начались волнения учащихся. Больше всех собраний, митингов, демонстраций, забастовок проводят учащиеся старших классов гимназий, семинарии, учительского института и коммерческих училищ Тамбова, Козлова, Кирсанова.

– Что требуют юные дарования?

– Юные дарования, Семёнов, требуют прекращения постоянного наблюдения полиции за учебными заведениями, свободы собраний, заседаний кружков, возможности чтения любых книг и обсуждения любых вопросов. Учащиеся призывают к свержению царизма и установлению власти избранных народом представителей. Вам этого достаточно или продолжить?

– Вполне.

– Для разгона молодёжных демонстраций власти посылали полицейских и даже казаков. Бесстрашные юноши и девушки уговаривали полицейских остановиться, хватали под узды лошадей, некоторые бросали в полицию камни. Самое печальное, что учащаяся молодёжь не только защищается от полиции, но и совершает насильственные, а попросту говоря, хулиганские действия – бьют окна и ломают двери. А тут ещё будущие попы выкинули номер. Ученики духовной семинарии устроили бунт, били стекла, срывали с петель двери, вышибали переплёты в оконных рамах, разворачивали парты. Вот выдержка из донесения полиции: «Рёв, свист, улюлюканье, выкрики ругательств, сквернословие царило в

семинарии».

– Так выгнать их.

– Дело тем и закончилось, Иван Борисович. Самых «буйных» выгнали из семинарии.

– Плохо...

– Что плохо, Семёнов?

– Плохо, что просто выгнали. Так они при деле были, а сейчас это готовый контингент для организации новых бесчинств. Таких надо на несколько месяцев помещать в исправительное учреждение при городе, определяя на тяжёлые общественные работы от рассвета и до заката, чтобы некогда было дурию заниматься.

– Может быть, ты и прав. Что ещё хотелось сказать. Ситуация нестабильная, с 30 октября 1905 года в губернии введено положение усиленной охраны, а с декабря – военное положение. Войсками заняты вокзалы и телеграф, приостановлено издание оппозиционных газет. Все это тоже повлияло на активность масс. И последнее, самое опасное на сегодняшний момент явление – это крестьянские «беспорядки». Как вы знаете, у крестьян долгие годы накапливалась злоба на помещиков, особенно, если те самодуры. Нужен был толчок, чтобы эта ненависть к «барам» вырвалась наружу. Смелость крестьянам придали волнения учащих и рабочих в городах. Особые крестьянские «беспорядки» имеют место в Борисоглебском уезде. Здесь было разграблено и сожжено несколько помещичьих имений. Сейчас крестьянские «бун-

ты» перекинулись на всю Тамбовскую губернию. Крестьяне жгут усадьбы помещиков, захватывают их земли, вырубают лес. Уже в губернии разгромлено порядка 300 усадеб.

– Жертвы есть среди помещиков?

– По сообщению полиции больших жертв нет. Крестьяне не убивают, а выкуривают помещиков из деревень – нехай в город переезжают. Конечно, дворяне, покидая свои владения, кричат о помощи и защите их собственности.

Господа жандармы, думайте, как с этим бороться! Я бы всех расстрелял к чёртовой матери, но нельзя. Либеральная общественность поднимет большой шум.

После совещания Дедюлин задержал Ерофеева и меня.

– Алексей Николаевич, я знаю, что ты сторонник решительных мер. Будь объективным, лишней крови не лей.

– Владимир Александрович, я уничтожаю только невменяемых. В губернии российские граждане, причём, доведённые до отчаяния. Так что буду разбираться со всей ответственностью.

– Только не перемудри, до отчаяния там особо никто не доведён. С властью будь осторожнее и обходительнее, помещики – основа порядка в государстве. Иван Борисович, а ты будь любезен, держи руку на пульсе. Помните, это дело на контроле у самого государя.

Батальон в полном составе готовился убить в Тамбовскую губернию.

– Как будем действовать, Сэм?

– По обстоятельствам, Серж.

В начале февраля 1906 года в губернские правоохранительные органы из столицы пришёл циркуляр о прибытии особого отряда жандармов. Градоначальник собрал своих силовиков на совещание.

– Господа, правительственные войска подавляют восстания, но они вспыхивают снова. Пока от действий армии толку мало, крестьяне уходят в леса, а затем всё начинается с новой силой. К нам присылают жандармский отряд особого назначения. Ничего не могу сказать о нём, и чем он сможет помочь тоже. Говорят, сущие звери. Может быть, они смогут что-то сделать своими варварскими методами. Одним словом, господа, нам приказано обеспечить им полное содействие.

– Когда прибывают?

– Через две недели.

Естественно, в народ просочилась информация о том, что в город прибудет расстрельная команда, которая должна залить кровью заводы и фабрики. Об этом по секрету чиновник сказал жене, та – родственницам, те – всей улице. Так что город чуть приутих, ожидая развития событий.

С целью рекогносцировки ситуации на месте, когда ничто не будет дозвлет над отрядом, в город отдельными группами прибыла разведывательная команда в тридцать человек. Все были одеты в гражданскую одежду – типичные служащие, правда, слишком крепкие физически. Вооружены были

только пистолетами, ножами и гранатами, то есть оружием, не бросающимся в глаза. Полноценная экипировка и вооружение должны были прибыть с основным отрядом. В первый же день, выйдя прогуляться по центральным площадям Тамбова, послушали митингующих. Лейтмотивом выступлений ораторов была идея о том, что революционные массы не сломить никаким кровопийцам из жандармов.

– Прознали о нас. Кто-то предал?

– Не думаю, что специально. Просто посвящённые разболтали знакомым. Скоро из этого вообще секрета не будет.

На следующий день командиры отряда отправились в местную полицию и жандармерию. Здесь мы представились начальству, и началась бумажная работа. Видя, сколько нас и чем мы занимаемся, они недоуменно пожимали плечами.

– Что-то не похожи они на особый отряд...

– Да и маловато-то их для подавления бунтов, не находите, господа? Может быть, это не те или нас неправильно информировали?

Получив в картотеках жандармского и полицейского управлений интересующую нас информацию о лидерах стачко-вых и местных революционных активистах, мной было проведено совещание, на котором определялись примерные задачи каждого подразделения батальона: заброс наблюдателей в народ, использование специалистов по слежке – "топтунов", штурмовые операции.

На следующий день после совещания за председателями

стачечных комитетов крупных предприятий было установлено негласное наблюдение. Я привлёк к нему местные кадры из полиции и охраны. Люди наблюдали, отмечая, с кем рабочие встречались, по каким адресам ходили, кто приходил к ним. По мере выявления новых персонажей, снова запрашивали в полиции информацию на этих лиц.

Одновременно, маскируясь под корреспондентов столичных газет, парни отправлялись беседовать с рабочими бастующих предприятий. Мы расспрашивали людей об условиях труда, чем конкретно недовольны люди, кто является наиболее активным защитником рабочего люда, кто подбивает на забастовки, кто какие лозунги предлагает.

Оказалось, что рабочий класс больше упирал на экономические требования: уменьшение рабочего дня, повышение зарплаты, уменьшение штрафов, рассказывал о наиболее сволочных мастерах и управляющих предприятий. Корреспонденты просто так не отпускали работяг, принимаясь выяснять, почему названные мастера или управленцы являются сволочными.

– Товарищи рабочие, я должен объективно дать материал в редакцию, проверенные данные, так сказать, Объясните мне, отчего вы называете мастера Колесникова упырём?

– Так за брак – штраф, за опоздание – штраф, за лишний перекур – штраф, а если придёшь с перегаром, так сразу двойной штраф выписывает. А когда праздновать, как не в воскресенье! Один у нас выходной. Утром-то, известное де-

ло, что с перегаром будешь.

– Василий, а где ваша трудовая инструкция? Там же всё прописано. Получается, что он правильно штрафует за брак и за опоздания. Это вы нарушаете?

– Хм, получается, что так, но он все равно буржуйский прихвостень.

– Хорошо, а как человек, каков этот Колесников. Если попросить помочь или иные вопросы решить?

– Какой? Если совсем уж надо и попросишь, то может и отпустить. Денежкой без процентов помочь может.

– Так зачем же такого снимать?

– Так штрафует нещадно!

– Так нарушаете же!

Были и другие отзывы. Труженицы мануфактуры охотно делились накипевшим.

– Мастер цеха Петриков работниц фабрики за людей не считает, заставляет задерживаться, подставляет передовиков, чтобы те штрафы платили.

– А чего так?

– Есть у него любимчики, да кумушки, кто деньгами с ним делится. Вот им он приписывает то, что они не делали, а у честных работниц изделия бракует и отбирает. В день полочки работниц поборами обкладывает, то на ремонт цеха, то на покраску станков. Но ничего не ремонтируется и не красится.

В разговор вступала другая работница.

– Сил нет работать по 12 часов. Дома дети, мужья, дела по хозяйству, а на этой фабрике вся жизнь проходит. Вы это пропишите в вашей газете, чтобы царь–батюшка узнал. Может быть, поможет.

– Согласен, тяжело вам работать. А против царя чего бунтуете?

– Так это нам того, программу действий дали!

– А кто же автор такой программы?

– Председатель нашего стачечного комитета, старший рабочий Матвей Митрохин, и пришлый, товарищ Обраменко. Тот настоящий революционер.

– Спасибо, барышни, будем разбираться. Ух, на всю страну распишем о ваших чаяниях.

Собирали информацию и на владельцев фабрик. По отзывам рабочих и служащих одни были вменяемыми хозяевами, другие – жадными самодурами. Выяснив первичную информацию по нашим будущим клиентам, я, Серж, Блондин, Джек, Таран во главе боевых групп шли на профилактическую беседу. В зависимости от собранных данных и первичных наблюдений, вырабатывался разный подход к построению беседы. Группа людей в штатском приходила домой в гости к фабрикантам, тыкая прислуге в нос жандармским удостоверением. Нас пропускали, мы встречались с фабрикантами, и начинался деловой разговор.

– Господин Чернышевич?

– Да, это я. Чем обязан посещению господ жандармов?

– Антон Владимирович, ваш завод является самым опасным объектом с точки зрения возможного восстания.

– Да, я это понимаю. Я обращался в полицию, чтобы навести порядок, но репрессии не помогли.

– Понимаете, времена дикого капитализма уходят в прошлое. Рабочий класс осознает себя людьми. А людям требуется более доброе, человеческое отношение. К тому же работа 12 часов, особенно, на тяжёлых участках – это натуральный садизм. Вы не находите? Встаньте сами к станку на несколько дней и попробуйте поработать по 12 часов.

– Вы смеётесь?

– Ничуть. Я предлагаю вам стать в числе первых прогрессивных промышленников, кто введёт девятичасовой рабочий день, включая перерыв, при той же зарплате. У вас будет спокойное предприятие, планово дающее продукцию. О вашем передовом опыте с помощью Петербургских газет узнает вся Россия. И ещё. Поощрите премией вашего мастера Колесникова, грамотный и ответственный специалист.

– Вы и это выяснили, поощрю. Но ведь рабочие получают зарплату за 12 часов, а вы предлагаете оставить им ту же зарплату, но за восемь часов.

– Это окупится более высокой производительностью труда и качеством продукции. Основной брак идёт или с утра в понедельник, когда у народа с бодуна детали двоятся, либо каждый день после 17.00-18.00 часов, когда накапливается усталость. Не вижу смысла в вечерней работе, если 50 про-

центов деталей бракуется и отправляется на переплавку, а скорость производства одной детали падает. К тому же, наша задача выбить почву у революционеров, сделав шаги к улучшению жизни рабочих «сверху», от вас фабрикантов.

– Вы ставите меня в тяжёлую ситуацию.

– Антон Владимирович, ваши сомнения – это стереотип мышления. Вы можете сделать рабочий день 16 часов, чтобы рабочие и ночь проводили в цеху – представляете, сколько они будут работать. Может быть, кто-то и не уволится при таком графике. Хотите, вводите три смены работы по 7 часов плюс перерыв, но не знаю, выгодно ли предприятию работать в ночь.

– Я подумаю.

– Думайте, считайте, поднимайте статистику выпуска деталей. На все думы вам две недели.

– Отчего же?

– Мне поставлена задача погасить волнения. Либо вы идёте навстречу мне, и мы побеждаем волнения вместе, либо вы, как провокатор и пособник революционеров, поедете в Сибирь. Император поручил мне исправить положение любой ценой.

– Ничего себе!

– Вы – разумный человек, поэтому мы ведём разумный диалог, и я раскрыл свой карт-бланш. Вы сами вскоре увидите, как у некоторых упёртых фабрикантов появятся большие проблемы, а кто-то отправится в увлекательное и бес-

платное путешествие по нашему Северу.

– Хорошо, я проведу расчёты и дам вам ответ. Где вас найти?

– Через начальника полиции города.

Дома у владельца текстильной фабрики. Десять человек стояли, переминаясь с ноги на ногу, а один бил ногой по входной двери.

– Чего стучите, пошли отсюда, сейчас полицию вызову!

– Открывай, паскуда, полиция пришла. Читать умеешь, лапоть? Смотри на удостоверение!

– Господа, не узнал. Вы уж не шумите, один секунд, открываю.

Дверь открывалась, слуга сразу был положен на пол «мордой вниз». Семеро остались в холле, остальные поднялись на второй этаж в жилые комнаты. Навстречу вышел заспанный человек в халате.

– Ты хозяин дома?

– Я. Кто вы такие?

– Молчать, здесь вопросы задаю я! Ваша фамилия Овцедоев?

– Никак нет, Удоев я!

– Вахмистр, проверьте по спискам подлежащих отправке в тюрьму для следственных мероприятий, есть ли там Удоев?

– Зачем же в тюрьму, господин жандарм?

– Затем, господин Удоев, чтобы вы не сбежали за границу, пока мы будем работать, проверяя ваши революционные

связи.

"Овцедоев есть, господин ротмистр, Удоев тоже есть, – вытянувшись по струнке, докладывал Потап, – куда его везти: в городскую тюрьму или сразу к нам на допрос в подвалы?"

Я хмурил брови, размышляя вслух, стоит ли его сразу катам отдать, чтобы его калёным железом прижгли, или он добровольно решит сотрудничать. От таких пикантных подробностей, мужик начинал потеть и суетиться.

– Господа, здесь явная ошибка. Я ответственно заявляю, что я – фабрикант, я – владелец фабрики, я – уважаемый человек!

Тут в разговор вступал здоровяк Серж: "Смотри, запел как! На тебя твои подельники столько компромата дали, что до Сибири ты не доедешь – за измену государству тебе расстрельная статья светит. Это я тебе, как жандарм, говорю".

– Что вы хотите, господа? Минуточку, покажите ваши документы!

– Изучайте!

Клиент брал документ, понимая, что он настоящий, и пытался прочитать его, держа вверх тормашками. Я переворачивал удостоверение в нормальное положение и тот с волнением читал.

– К-к-командир отряда специальных операций Отдельного корпуса жандармов Российской империи ротмистр Семёнов. Это произвол, господа, я буду жаловаться.

– Куда будете жаловаться? В местком, профком, стачком или самому губернатору? Ещё раз прочитайте название моей должности. Вы доигрались до того, что высочайшим повелением в губернии проводится специальная операция. Или вы к высочайшему повелению, как к туалетной бумаге относитесь? Эта операция находится на контроле самого императора всероссийского. Все виновные будут жестоко наказаны. А вы, господин Удоев, своими действиями спровоцировали бунт.

– Как я мог его спровоцировать? Я же пострадал от него, бунт против меня.

– На других фабриках в таком масштабе волнений нет. Вы действительно попадаете под статью «Измена Родине», так как ваши действия направлены на дестабилизацию обстановки в государстве. А я найду требуемые для суда факты.

– Мне нужен адвокат.

– Меня не интересует, что нужно вам. Мне нужно получить, и я получу от вас сведения о вашей подрывной деятельности: кто вас курирует, кто даёт инструкции, на чью спецслужбу вы работаете. Собирайтесь, поехали на допрос с пристрастием. Мне некогда с вами церемонится, у меня ещё клиентов полно.

– Дорогой, что здесь происходит?

– Вахмистр, убрать посторонних.

– Это я-то посторонняя?! Что вы себе позволяете, хам!

– Ваша супруга, Удоев?

– Да, позвольте представить, моя супруга Артемида Герасимовна Удоева, в девичестве Брехунова.

– Собирайтесь, гражданка Брехунова. Думаю, что вы тоже много чего знаете.

– Куда собираться? Вы знаете, что мой отец предводитель дворянства города Метловска!

– Ещё раз рот без разрешения откроешь, поедешь в тюрьму с мешком на голове. А там к тебе и папа присоединится. Всё, штабс-ротмистр, берите этих шпионов и везите в камеру дознания, я так решил.

Вмешался Удоев: «Господин ротмистр, может, что-то можно сделать, как-то объясниться?»

– А вы не такой тупой, как о вас говорили ваши друзья из фабрикантов. Если мы договоримся, то я закрою глаза на всякие сплетни о вас, если нет – месячишко отдохнете в кутузке с бомжами и ворами, пока мы будем проверять доносы на вас. Вы готовы сотрудничать?

– Я готов! И супруга готова, мы полностью готовы сотрудничать. Простите, а кто обо мне так говорил?

– Вам интересно? Извольте. Это господа Карамазовский, Трошкидзе и Цуциков. Все трое дали показания, где вы выглядите очень неприглядно. Я даже подумал, что встречу матерого заговорщика и вольтерьянца.

Отчего-то в голове всплыло это название революционно настроенных людей, начитавшихся Вольтера. Примерно так в 1937 фабриковались дела на любого человека. Никто из

этих троих ничего о революционной деятельности Удоева не говорил, потому что её не было. Отозвались как о заносчивом, жадном и недалёком человеке, но это я и так видел по его стилю руководства фабрикой. Причём, наиболее точную характеристику многим бизнесменам города дал именно Чернышевич. Но эти трое были сволочными, зажавшими властью дворянами. Моя задача была внести раскол в их дружные ряды, поэтому, даже если они ничего не говорили, то в беседе с каждым я называл фамилию неприятного мне бизнесмена, который якобы плохо отзывался о собеседнике. Тогда в ответ они вываливали на меня горы информации о нём и остальных жадных буржуях города. Мои ребята только успевали вести стенограммы этих откровений.

– Итак, супруги Удоевы, сейчас вы вспоминаете всё, что знаете о своих конкурентах-промышленниках и городском начальстве. Рассказывайте обо всех известных вам слухах и тайных делишках этих людей. Ваши откровения будут отправлены в столицу. Здесь никто о ваших показаниях не узнает – это я гарантирую. Далее, на вашей фабрике процветает кумовству и беспредел. Ознакомьтесь с краткой информацией по руководящим персоналиям и примите меры – все указанные в списке руководители должны быть сняты с должностей. С целью успокоения рабочих вы завтра же издаёте приказ о введении на фабрике восьмичасового рабочего дня с сохранением дневной зарплаты сотрудникам, количество штрафов надлежит уменьшить до трёх позиций –

брак, пьянство и опоздания на работу. В противном случае у вас будут серьёзные проблемы. Гражданин Удоев, мой человек зайдёт за вашим производением послезавтра. Прошу не жалеть врагов государя и Отечества – они вас не пожалеют.

Поездом прибыл штурмовой отряд: тачанки, спецодежда, пулемёты, для устрашения привезли даже огнемёт. Местному начальству и обывателям стало понятно, что прибыли люди посерьёзней армейцев. Ребята входили в курс дела и приступали выполнению задач.

Со студентами разговор был немного иным, всё решалось и проще, и сложнее. Ребята были молодыми, горячими, их манила романтика революции, пример старших товарищей и желание совершить подвиг. Прибывая в институт или училище, мы запирали курс в лекционной аудитории и начинали разговор.

– Товарищи студенты, объясните мне, пожалуйста, кто заставил вас включать в требования политические лозунги? Кому из вас лично мешает царь, правительство, градоначальник и так далее?

– А вы кто такие?

– Я – офицер жандармерии, занимаюсь тем, что отправляю нарушителей общественного порядка на каторгу. Вы – будущая интеллигенция: инженеры и мастера – люди умственного, высококвалифицированного труда – уважаемые коллегами и обществом граждане. Вам что, учиться царь мешает?

– Самодержавие подавляет волю народа.

– Подавляет, и что с того? Вот сбросили вы самодержавие, отправили царя в отставку. Дальше что? Кто, по-вашему, придёт к власти? Я думаю, что власть тут же подхватят люди, стоящие у её вершины. И чем они будут лучше царя? Читайте «Капитал» товарища Карла Маркса, там написан основной закон капитала. Он прост – это увеличение капитала любыми возможными способами. Так что царь сдерживает произвол буржуев, без него вообще никаких тормозов не останется. Как вы вообще видите светлое будущее?

– Мы сбросим всех эксплуататоров!

– А они захотят сбрасываться? Конечно, нет! Значит, они станут защищать себя. Это царь с вами нянькается, а капиталисты живо всех бунтовщиков на рудники отправят. И самое плохое, что может быть в государстве – это гражданская война. А что такое война на своей территории? Это упадок промышленности и сельского хозяйства. Как следствие – голод, безработица и нищета, толпы раненых и инвалидов, горы разлагающихся в полях и городах трупов, разные болезни типа тифа, холеры, дизентерии или чесотки. И ты, вместо бутерброда с колбаской, суп из плакатов с революционными лозунгами варить будешь, потому, как продуктов не станет: магазины закроются, крестьяне либо воевать уйдут, либо с зерном, да картошкой в лесах станут прятаться. А когда страна полностью в разруху провалится, хорошие соседи свои куски урвать захотят. Желаете быть новой Индией или

Африкой для стран-союзниц? Защищать-то страну некому будет и нечем – людей нет, оружия и патронов нет, продовольствия нет. Так что думайте. У вас есть возможность это узнать через несколько лет.

– Правду говорите, дядя, даже не думали об этом...

– Тогда прекращаете хулиганить и выходите на учёбу.

Срок вам до завтра.

Конечно, вышли не все, особо активным нравилась такая боевая жизнь. Я не мудрил с уговорами активистов. В учебных учреждениях для выяснения фамилий заводил были опрошены все студенты. Несколько очень боевых студентов были арестованы дома и отконвоированы в городскую тюрьму. Затем я зачитал перед ними приговор, по которому они приговаривались к расстрелу за измену стране. Меня не поняли, начав качать права. Им набили морду, затем вывели во двор и поставили к стенке. Подошедшая расстрельная команда приготовилась привести приговор к исполнению. Раздался залп, многие попадали или обделались.

– Подъём, убитые герои, солдаты в воздух стреляли. Разойдись по домам. Предупреждаю, если ещё раз будете замечены в погромах – Сибирь будет настоящая. Это я вам гарантирую.

На следующий день это мероприятие было освещено в местной прессе, только подано, как воспитательная процедура над бандитами. А те корреспонденты, кто считал, что это самосуд и произвол жандармов, были собраны и вывезены

за город. В лесу им выдали лопаты, которыми они выкопали братскую могилу, после чего были построены у её кромки. Серж, командующий операцией, процедил: «Я доходчиво объяснил, как буду расправляться с врагами государства? У кого будут претензии, тот совершенно случайно в эту яму упадёт».

– Да, господин полицейский, мы все поняли.

В итоге все клятвенно заверяли нас, что они ошибались в оценке ситуации.

Со мной встретился градоначальник города.

– Алексей Николаевич, вы уж больно круто берете с молодёжью.

– Солдаты штыками менее круто бунты подавляют?

– То солдаты, им положено.

Пообщавшись с эксплуататорами, пришла пора общаться с рабочим классом. Одетые в гражданское, дабы своим мундиром не компрометировать рабочих лидеров, я с двумя бойцами заглянул в гости к товарищу Митрохину, рабочему ветерану и председателю стачечного комитета металлообрабатывающего завода. Мужик сразу понял, кто к нему пришёл, поэтому выделяться не стал.

– Матвей Евсеевич, разговор будет простой или тяжёлый, всё зависит от вас.

– Не запугаешь.

– Ошибаешься, брат Матвей, запугать можно любого. Моя задача сейчас сгладить ситуацию, чтобы стороны при-

шли к соглашению. Работу с хозяевами ряда городских фабрик и заводов я провёл. Пришла пора поговорить с вами, рабочим классом.

– Господин жандарм.

– Алексей Николаевич.

– Алексей Николаевич, вы же сами видите, до чего довели рабочий класс. Все соки тянут эксплуататоры, ироды проклятые.

– Вижу, только сделать пока ничего не могу, Матвей Евсеич. Не готов ещё рабочий класс свергнуть эксплуататоров. Впереди война, страну собирать надо в кулак, а революционеры её разваливают. Вот что обидно. Победили бы мы Германию с Австрией, да снова не дадут нам. Мало дебильных командующих, так ещё революционеры вмешаются.

– Погоди, Алексей Николаевич, так с Японией война была.

– Будет, Матвей, и с Германией война. Все впереди, доживёшь, сам всё увидишь. Но это так, мысли вслух. Наша задача договориться с тобой и с другими лидерами о прекращении стачки. Хозяева пойдут на уступки. А с теми, кто не пойдёт, будем решать отдельно. Давайте пересмотрим ваши лозунги и требования, уберём политические и оставим несколько экономических.

– Почему политику убрать?

– Потому что с ними вы только до Сибири договоритесь. Вы против власти идёте, а это нарушение законов. Никто ца-

ря для удовлетворения ваших требований снимать не станет.

– Все равно, придёт время, и свергнем мы власть капиталистов и царя.

– Придёт. Допустим, произошла революция, вы победили эксплуататоров и иностранных интервентов, которые захотят урвать свой кусок. К власти придут новые, рабочие люди. А кто приходит к власти в смутное время? Правильно: бездельники, бандиты и жулики, то есть те, у кого нет совести, но есть амбиции. Есть у тебя в цеху отстающий рабочие, дураки, но зато горлопаны?

– Есть, Алексей Николаевич.

– Как говорится, самая массовая организация в мире – это дураки, у них везде есть свои люди. Нацепит такой рабочий «Маузер», вступит в партию победителей, и будет командовать вами, настоящими патриотами, вставшими на защиту страны по призыву этой партии. Или ты думаешь, что капиталисты просто так отдадут тебе власть? Война будет. Когда рабочий класс победит в этой войне, ты снова вернёшься к станку и останешься тружеником, рядовым рабочим или мастером, может быть, до начальника цеха дорастёшь, не более.

– Почему это, а вдруг директором?

– Нет, дружище, директором станет этот горлопан. Он, как бывший командир, пролезет в депутаты Советов красных комиссаров или в руководители завода. И будешь ты стоять перед ним по стойке смирно, а он будет учить тебя, как надо работать. Если ты не в курсе, то просвещу тебя об

одном факте. Все руководители всех крупных партий жили за границей: в Швейцарии, Германии, Франции или Англии. С ними сотрудничали спецслужбы этих стран и, когда пришёл нужный момент, то по указке этих спецслужб из уютной Швейцарии им пришлось приехать сюда. Многие из них дворяне, по-вашему, эксплуататоры. Прошла война с Японией. Когда тысячи твоих земляков проливали кровь на фронте, вместо помощи, ты забастовками разваливал промышленность, а у нас там, на фронте, из-за тебя не хватало патронов и пулемётов. Получается, что ты – предатель, а не патриот. Вот такие дела, брат Матвей. А теперь повторю свой вопрос: "Кто заставил тебя включить в повестку требований политические лозунги?"

– Товарищ Макс.

– Русский, немец?

– Вроде немец, Макс Вольф его имя.

– Немец? Значит, тут РСДРП рулит?

– Да, я за большевиков, но и меньшевики правильно говорят.

– Как найти товарища Макса?

– Понятия не имею, он сам приходит, когда возникает партийная необходимость.

– Значит, завтра она должна возникнуть. Хозяин завода осознал свою неправоту и завтра должен подписать приказ о сокращении рабочего дня. В ответ вы прекращаете стачку.

– Не может быть, как вам удалось?

– Пальцы, зажатые в пассатижи, любого делают сговорчивым. Я понятно донёс идею?

– Куда уж понятнее.

Глава 4. Крестьянский бунт

Что делать с крестьянами я не знал. Может быть, поступить так же, как это сделает в 1920 году красный командир Антонов-Овсеенко. Подавляя тамбовское восстание кулаков и крестьян, он просто расстреливал семьи всех тех, у кого найдут оружие. Время было тяжёлое – либо ты, либо тебя, так что он решал проблему, как мог. Но стрелять в доведённых до бунта людей: тёток, мужиков и стариков совершенно не хотелось. Но и церемониться с ними тоже было нельзя – они понимают либо хорошие дела, либо силу. Хороших дел, как послабление налогов, списывание недоимок барину, повышения зарплаты рабочим, я сделать не мог. А волнения нужно было прекратить в кратчайшие сроки.

Не сможем мы, пришлют армейцев. Их командиры из дворян имеют примерно тоже мышление, что и у мелкопоместного дворянина Антонова-Овсеенко, подпоручика царской армии, дезертировавшего из неё в период Русско-японской войны. Так что пока за восставших крестьян совсем серьёзно не взялись, надо было что-то придумать. Вот только что?

На совещаниях в отряде мы прикидывали разные варианты, выработав примерную программу действий. Три взвода отправились в три окрестные деревни, где крестьянами были выгнаны помещики, чтобы утихомирить страсти. Прознав об этом, бунтари, вооружённые топорами, вилами и даже ру-

жьями, подались в леса. Благо леса под Тамбовом густые и бунтовщикам было, где спрятаться, несмотря на зиму. Стоящие на дворе морозы были нам на руку, потому что кушать бунтари приходили домой. Точнее говоря, жили они дома, а когда в деревню заходили солдаты, то убегали и отсиживались в лесу, а еду им приносили родичи, оставляя узелки в укромных местах. Но, разорив помещичью усадьбу, им больше ничего и не оставалось, как бежать. Кто-то тихо пережил в укромных местах до лучших времён, а кто-то стал разбойником.

С разработанным планом действия я прибыл на совещание к губернатору. На нём присутствовали руководители города и силовики. В целом план был одобрен, во всех вопросах мне обещали содействие. Очень помог подготовленный в августе сего года Столыпиным и утверждённый императором в качестве «меры исключительной охраны государственного порядка» закон «О военно-полевых судах». Действующий в губерниях, переведённых на военное положение или положение чрезвычайной охраны, он позволял вводить особые суды из офицеров по делам, где преступление было очевидным: убийство, разбой, грабёж, нападения на военных, полицейских и должностных лиц. Предание суду происходило в течение суток после совершения преступления. Разбор дела мог длиться не более двух суток, а приговор приводился в исполнение в 24 часа.

Рота бойцов в камуфляже с закрытыми балаклавой лица-

ми прибыла в деревню Рассохино. Деревню окружили и в центр согнали всё взрослое население.

– Кто староста?

– Я староста, Лешев Андрон Поликарпыч.

– Где взрослые мужики?

– На промысел ушли. Волки нас заели, вот и охотятся.

– За какие прегрешения разорили помещика Баранова?

– Не разоряли мы, то с другой деревни.

– Хорошо, за что его разорили крестьяне с другой деревни?

– Девок портил в своё удовольствие.

– Перетрахать три деревни – это не удовольствие, а тяжкий труд. Дальше рассказывайте, чем он вам не угодил, за что его управляющего избили и выгнали с семьёй, а дом сожгли?

– Барин постоянно с дружками своими на лошадях охотится, посева наши топчет. А требует налог полный. Приходится на его полях трудиться всё время, а своими заниматься некогда, ежели, всё время у него пашем. Все в долгах, не продохнуть. А управляющий во всем ему поддакивал и с нас три шкуры драл.

– Баран он и есть баран, коль своих кормильцев сам же и душит. Только не пойму, вы же не крепостные, почему на него пашите?

– Так вот он поля потопчет, мы в долги влезаем, а отдавать нечем. Так долг свой у него и отработываем. Только с

каждым годом долг все больше и больше.

– Убийств ваши охотники чинили или нет? Если кого убил – убийцу выдать. Я разберусь лично, за что на это дело пошёл. Виновен – на каторгу, не виновен – отпущу.

– Да разве ж бывает невиновен, ежели убил?

– Бывает, самообороной называется. Значит, отправляя гонцов к охотникам, пусть возвращаются и живут дальше в деревне. Награбленное придётся вернуть барину и управляющему. У кого их вещи найдут – каторга, сдаст вовремя – деяния простятся. Недоимки помещик тоже простит. Жду неделю. Передайте моё предложение по окрестным сёлам. Если через неделю сдачи не будет, всей деревней отправитесь на север страны. Бабы, дети, старики – все будете жить и работать на шахтах в местности, где полгода ночь и снег, а летом сплошные болота и гнус. На тех, кто не сложит оружие, начнётся охота словно на зверя.

– Ты нам, мил человек, наобещал, да напугал, а кто ты такой? Лицо своё прячешь. Будет ли тебя слушать начальство городское.

– Я командир особого отряда жандармов прибыл к вам из столицы. Слушать будут, потому что имею указание от самого начальника Корпуса навести порядок в губернии. Приду через неделю за ответом, а сейчас мы отправимся дальше.

По такому же сценарию Джек, Серж и я разговаривали в других деревнях, отмечая название деревень и даты бесед на бумаге. В походах прошла неделя. В Рассохино снова при-

был отряд с тачанками и повозками. За ними топала рота солдат из регуляров. К нам вышел староста, поклонившись в пояс.

– Что, Леший, вернулись охотники?

– Вернулись.

– Молодцы, собирай народ, побеседуем и дальше пойдём.

Три деревни оказались сознательными, правда, там ещё предстояли допросы и разбирательства, но отношение дознавателей из отряда к крестьянам было доброжелательным. А вот в четвертой по нашему списку деревне никто не вышел. Я отдал команду: «Серж, стоняй народ, всех на переселение. Раз они так, то и мы так».

Часть бойцов заняла стратегические позиции вокруг деревни, чтобы на нас не напали с тыла, а остальные занялись подготовкой к депортации местного населения. Поднялся вселенский вой, крик и плач, но бойцы были неумолимы. Людей заставляли одеваться и вместе с детьми выгоняли на улицу.

– Ваши родственники решили, что они хозяева положения. Пусть так и считают, только из-за их дурасти вы отправитесь на Север.

Детей сажали на сани, взятых на местных подворьях, и пригнанные нами телеги, забирали всю еду, которую находили, тёплую и сменную одежду, необходимую утварь, связывали всё это в тюки и складывали на телеги. Караван концентрировался на выезде из деревни.

В лагерь бунтовщиков прибежал молодой парень, сумевший вовремя смыться из деревни. Его окликнул часовой.

– Ивашка, чего несёшься, как оглашенный?

– Пришёл тот же человек с закрытым лицом, пришли солдаты – тьма-тьмущая, всех из домов выгоняют. Говорят, на север повезут мамок наших, да братьев с сёстрами.

– Пойдём к старшему.

Крестьяне выслушали Ивашку и начались разговоры.

– Говорили, что надо выходить. Вон в трёх деревнях беглецы вышли, и никто их не тронул. Человек в маске слово держит. Что теперь делать будем?

– Я тут командир, Мирон, поэтому не лезь со своими советами. Нападём на них и перебьём всех, заодно, оружием разживёмся.

– Карп, ты, видать, совсем умом тронулся! Там толпа солдат с винтовками. Что мы против них с топорами, да десятком ружей сделаем. Перебьют нас.

– Трус ты, Мирон. Засаду устроим у Зелёного брода. Пока они его переходить будут, нападём и порешим всех.

Раздался птичий крик, затем ответный. Ко мне, стоящему с Джеком, подошёл Рыбак.

– Командир, у нас гости, секреты переговариваются.

– Значит, кто-то успел сбежать из деревни.

– Может наблюдатель от бандитов в лесу сидел?

– Околет сидеть, нас ожидая. Скорее всего, бегунок из деревни. Первый взвод к бою, направление – юго-восток.

Бинд, твой взвод должен обойти нападающих и зайти им в тыл.

Первый взвод занял позиции, биндовцы укатили на лыжах выполнять поставленную задачу, остальные продолжили сбор крестьян. Ко мне подошёл армейский поручик.

– Ваши люди заметили бунтовщиков?

– Есть такое. Не волнуйся, поручик, прижмём их.

– Понял, вы можете распоряжаться моими людьми полностью по своему усмотрению.

– Благодарю за доверие, поручик.

Тут раздалась пулемётная очередь, затем ещё одна, затем заорал Прут: "Всем сложить оружие, иначе, стреляем на поражение!"

Бунтовщики ломанулись в бега. Снова раздалась команда Прута: "Преследовать бунтовщиков, при сопротивлении в плен не брать".

Взвод начал преследование, периодически постреливая в воздух. Мирон бежал, не чуя ног, громко матерясь вслух.

– Черт бы драл этого Карпа, сдались бы и жили сейчас спокойно.

Он остановился в небольшом ельнике перевести дух. Сердце выскакивало из груди – попробуй пробежаться по снегу, проваливаясь в него по колено. Оглянувшись, на снегу увидел отчётливый след своих валенок.

– Чё-ё-ёрт, найдут же!

Развернувшись, он собрался бежать дальше, но услышал

насмешливый голос.

– Далеко ли собрался, дядя?

"А-а-а-а! – взвыл Мирон. – Обложили! Сдаюсь, не убивайте".

– Куда бежал-то?

– К схрону нашему.

– Веди, дядя.

В избушке охотника засело шестеро беглецов.

– Где остальные?

– Сдались они, Карп.

– Я что маю, братва, в лихие людишки надо подаваться.

– А семьи наши? Сгинут же в шахтах.

– Плевать. Уйдём на свободу, а там что-нибудь придумаем.

Мужики насупились, но смолчали. Вдруг снаружи раздался весёлый голос.

– Эй, славяне, выходи по одному, да не балуй – стреляем без предупреждения.

– Всё, приплыли...

– Я не сдамся.

Мужик поднялся, взял обрез и подошёл сбоку к окошку, аккуратно выглянув в него.

– Карп, не дури, из-за тебя всех положат!

– Держи оборону, Никола, сейчас я кого-нибудь пристрелю. Вот гады, не видать никого, ушлые.

Мужики переглянулись и, подойдя поближе к Карпу, на-

валились на него.

– Вали его, сам погибнет и нас за собой потянет. Один из крестьян рванул к окну и прокричал: «Армия, не стреляй, мы сдаёмся!»

Жандармы окружили сдавшихся, связали и повели в деревню. Карп зыркал по сторонам, а, увидев Мирона, оскалится.

– Что, Иуда, продал нас.

Ему ответил Бинд: "Вы, словно стадо лосей, пробежали, только слепой вашу лёжку не найдёт".

Приведённых в деревню пленных развели по одному, а я в присутствии остальных командиров отряда их допросил.

– Что скажете, товарищи жандармы?

– Заводила у них Карп, по складу характера – бандит, который почувствовал свою силу за это время. Отпустим – уйдёт в разбойники.

– Похоже, что он и порешил управляющего помещьем.

– Согласен, свидетелей нет, но с первого взгляда всё указывает на него. Надо допросить мужика, но без членовредительства. И ещё нужно второй раз поговорить с мужичком, как его, Пантелеем. Скользкий он какой-то...

– Точно, Сэм, хотел сказать, что с ним обязательно поговорить надо – рожа у него уж очень подленькая.

– Вот и займись им, Прут. Кто-то из этих двоих ухандокал управдома – один мог по злобе топором по башке приложить, а второй от жадности или испуга. Начните с Карпа.

Мужик взвыл, когда ему подключили провода с током от взрывной динамо-машинки, крутя ручку заряда и потихоньку добавляя напряжение. Больно, зато руки-ноги целы, потом ничего не надо ни пришивать, ни гипсовать. Его держали, а Карп выл, корчась от острой зубной боли. Но на вопрос, за что он убил управдома, отвечал отрицательно.

– Не убивал, Богом клянусь!

Я же посматривал на остальных пленных, а особенно на Пантелея.

– Стоп. Карп не виноват. Пантелей, прошу сесть на пенёк. Пришла твоя очередь рассказать, за что ты убил управляющего помещьем, господина Парнасова?

Мужик свалился на землю и заверещал: "Бес попутал, позарился на кошель его, а он не отдал, пощадите!«»

– К стенке его, расстрелять! Карпа тоже – незачем такому разбойнику землю топтать. А вам, бывшие крестьяне, а ныне разбойники, придётся в кандалы обуться, да на Север проехаться. На поезде поедете, хоть страну посмотрите.

– А семьи как?

– Вы сдались, значит, семьи пусть остаются дома. Тем жёнам, которые захотят сопровождать своих непутёвых мужей, да братьев – организуем бесплатный проезд.

– Вот ты, Леха, хитрован, как вопрос поставил.

«Нам рабочая сила нужна. Кто заводы поднимать будет, если не такие вот наёмники? Всех мужиков заберём, жены с детьми волей-неволей с нами поедут, – проговорил я, затем

обратившись к крестьянам, – хочу сказать, граждане бандиты, воры и грабители, что за ваше примерное поведение поедете не в Мурманск, а под Санкт-Петербург. Будете там болота осушать, да здания заводов возводить».

Так и получилось, что несколько сёл губернии в полном составе готовилось к отправке в Приморский пригород Санкт-Петербурга возводить будущую промышленную мощь "Зенит Руса". Прибыв в Тамбов, селян определили на постой в городскую тюрьму – бунтовщики всё-таки. Серж с основным отрядом снова отправился по деревням губернии, находящимся возле крупных губернских городов, но глубинка вела себя спокойней.

Мне с бойцами предстояло вновь обойти подопечных промышленников.

Пока я ловил партизан в лесах и полях, фабриканты дружным фронтом встречались с губернатором и градоначальником.

– Это беспредел, господин губернатор!

– Увы, господа фабриканты, в мои задачи входит поддержание порядка в губернии. Мне звонил сам товарищ министра генерал Дедюлин, и убедительно просил оказать содействие ротмистру Семенову. Мы должны доложить в столицу об исполнении воли императора и наведению порядка в губернии. Как мне докладывают, Семёнов работает достаточно спокойно, общается уважительно и идёт на компромиссы, одним словом, обстановку не накаляет.

– Если не считать того, что он чуть не расстрелял десять студентов и угрожал нам, уважаемым людям.

– Господа, императором поставлена задача подавить восстание. Для этого жандармы особого отряда прибыли в город навести порядок любой ценой. Однако я тоже не хочу прослыть кровавым губернатором или взлететь на воздух от бомбы террориста, как мой заместитель Богданович, царство ему небесное. Поэтому прошу прения прекратить. Семёнов скоро уедет и всё вернётся на круги своя.

Я подозревал, что на меня будут жаловаться, поэтому готовился аргументировать свои действия. Однако губернатор меня не трогал, главы местной полиции и жандармерии тоже не давили, заняв выжидательную позицию, мол, все расправы творит пришлый, а мы хорошие. Это меня устраивало, и я вместе со своей командой работал дальше. Фабриканты вводили на своих предприятиях обговорённые со мной послабления трудящимся. На организованной с фабрикантами встрече у губернатора я поблагодарил их за понимание, заинтересовался настроениями рабочих.

– Что сказать, господин Семёнов, рабочие работают с небывалым энтузиазмом. Количество брака действительно уменьшилось.

– И хорошо, пройдёт квартал, проведите анализ ситуации. Буду ждать ваших писем, может быть, что-нибудь подскажу или сам возьму на вооружение.

– Вы имеете завод?

– Имею механические цеха, но скоро будут построены несколько небольших заводиков. Буду рад видеть вас у себя гостями для обмена опытом. Скажу сразу, что эти нововведения в моих мастерских действуют с 1903 года, поэтому они проверены временем.

Встретился я со стачкомовцами.

– Товарищ Митрохин, как успехи в нашем деле?

– Товарищ Семёнов, здравствуйте. Смотря, что вы подразумеваете под нашими делами? Все мы были очень рады, когда после нашего разговора хозяин завода лично прибыл на производство, провёл митинг, приняв наши требования, которые я согласовал с вами. О таких условиях труда мы и не мечтали.

– Отлично.

– Через два дня, после того, как мы начали работать по-новому, приходил товарищ Максим. Он требовал продолжать забастовку.

– Как его можно найти?

– Завтра вечером назначен сбор руководителей стачкомов, будут представители центра, прибывшие из Москвы. Маёвка состоится в доме по улице Новомосковская, 4 в восемь вечера.

– Благодарю, обойду ещё наших людей, послушаю их. А как выглядит товарищ Максим?

Рабочий описал мне этого профессионального революционера, а затем спросил.

– Товарищ Семёнов, разрешите вопрос?

– Задавай.

– А сами вы за кого: за рабочих или за буржуев? Построим мы социализм и коммунизм?

– Понимаешь, Матвей, вопрос это сложный. Сейчас пробует поэтическое перо революционный поэт Владимир Маяковский. Я процитирую выдержку из его стихотворения, немного заменив слова: "Есть люди как люди, есть шлюхи как шлюхи, есть шлюхи как люди, есть люди как шлюхи". Всё зависит от людей. Адекватные и грамотные люди, как и сволочи, есть во всех сословиях. Если во главе предприятия стоит человек, который не заинтересован в результате работы – временщик, то предприятие обречено на разорение. Поэтому лучше, если будет хозяин, то есть буржуй. Предполагается, что он заботится о развитии своего предприятия. Тогда получается, что я за буржуев.

Озвучив свои соображения по этому вопросу, я не стал говорить о том, что поэту сейчас около 13 лет и этот стих он напишет много позже. Тут же вспомнил эпоху СССР 1970-80-х годов, когда руководителя завода интересовало лишь выполнение плановых показателей, за что ему был почёт и уважуха, плюс гарантированные премии. А куда денется его продукция – будет гнить на складах или вмиг разлетится среди покупателей, его не волновало. Затем я продолжил.

– От теории обратимся к практике. Что мы видим в реальности. Хозяева у заводов есть, а кругом «задница». Боль-

шинство имеют менталитет дворянина – «работает, и так сойдёт». В погоне за доходом они думают по старинке: надо увеличить рабочий день и снизить зарплату, не понимая того, что чем выше техническая оснащённость предприятие и лучше условия труда, тем качественнее продукция, ниже её себестоимость, а значит, больше прибыль. Есть такие, кто понимает важность технического прогресса, модернизируя производство, но они же выжимают все соки из рабочего. Так тоже жить нельзя. Значит, надо защищаться от таких самодуров. Уговоры они не понимают, а понимают лишь направленный им в лоб пистолет. Владимир Ленин правильно сказал, что буржуазия услышит рабочего только в том случае, если в её дом будут стучать прикладом винтовки. То есть в данном случае я за рабочих.

Самое интересное, что решение вопроса есть. Всего-то и надо, чтобы Правительство приняло трудовой кодекс, законодательно гарантирующий нормальные условия труда. Скажу так: для обычного рабочего люда гарантированная уравниловка условий жизни лучше – это социализм, для предприимчивых людей лучше капитализм, но их намного меньше. Однако, при капитализме люди более злые и подлые, сознанием правит «золотой телец». Так что я за социализм с элементами кооперативного движения.

– Ты, Алексей Николаевич, не веришь в победу социализма? Ведь революцию делают настоящие люди, инициативные и порядочные.

– «Революция пожирает своих детей». Эти слова Дантон произнёс прямо перед казнью. Робеспьер, Марат, Дантон, другие лидеры Французской революции были казнены после её победы. Смысл этого крылатого выражения заключается в том, что в революционном процессе неизбежно начинается противоборство между самими революционерами. Они оказываются у власти, но не знают, что делать дальше. Начинается внутрипартийная борьба, каждый хочет стать главным. К тому же все идейные люди защищают революцию в первых рядах, а значит, и погибают первыми. На смену им приходят прагматики – карьеристы, которые в трудное время отсиделись в тени, но после победы хорошо подвешенным языком, связями и круговой порукой по принципу «ты мне – я тебе», оттесняют выживших революционеров, сами занимая руководящие посты и подстраивая новый порядок под себя. Капитализм, царизм, социализм – на любую Россию за её размеры и богатства Запад и Восток точат зуб. Так что, какой бы строй не был, нам всегда придётся бороться за место под Солнцем с иностранцами. Это высокие материи, а если говорить проще, то каждый человек обязан жить хорошо, но не за счёт других. Такое общество будет счастливым.

– Мало таких людей, чтобы для других жили. Смутил ты мою убеждённость, товарищ жандарм. Даже не знаю, что делать?

– Хороший ты человек, товарищ Митрохин, поэтому работай, живи для семьи и держись большевиков – они побе-

дят.

Я обошёл ещё четверых стачкововцев с других предприятий города, с которыми имел разговор две недели назад. Кто-то сразу сказал о маёвке, кто-то попытался умолчать, так что пришлось выводить их на чистую воду. Каждому объяснял, кто есть настоящий товарищ, а кто их просто "пользует", поэтому своим рассказом они не предадут дело, а помогают сохранить государственность в стране.

На стол начальника полиции города легла докладная о готовящейся маёвке и проводимой агитаторами из центра политнакачке рабочих. Главы местной жандармерии и полиции вместе со мной обсуждали необходимые меры пресечения.

– Хорошо бы к ним на встречу внедрить своего агента.

– Неплохо, но у меня нет такого информатора.

– Тогда, господин подполковник, не мучайтесь, а вяжите всех. Только без рукоприкладства, а то накостыляете моим агентам, они потом обидятся.

– Алексей Николаевич, у меня мало людей, может быть, ваши люди займутся этим.

– Отчего же нет, займёмся.

На инструктаже в отряде перед операцией я довёл вводные о целях и задачах акции. Парни экипировались в бронежилеты, маски и каски, брали щиты и выдвигались на позиции, окружая дом, где проходила встреча. Я зашёл в домик напротив, на крыше которого был оборудован «секрет».

– Как дела, Бинд?

– Замёрз, как цуцик. Если тебя народ интересуе, то 28 человек прибыло, дверь открывает всё время один и тот же дед.

– Хорошо, будем брать.

Мы арестовали всех, кто был в доме, выкручивая руки и нашим, и не нашим.

– Всех на опознание. Этот местный, этот тоже, этот тоже, а вы, господа, чьих будете?

– Что значит, чьих?

– Чьи холопы, кому служите?

– Свободной России.

– Отлично, Джек, стачковомцам набить морду, только по лицу не бейте, и отпустите – с ними всё ясно. А со свободолюбивыми товарищами мы побеседуем.

Бойцы выводили рабочих местных предприятий в отдельную комнату, где несколько раз больно пинали. Когда завели четверых завербованных мной агентов, то громко подвигали стол и стулья, мол, как они от ударов летают, и отпустили. Разобравшись с работягами, в ту же комнату по одному на беседу заводили пятерых гостей, выясняя, кто есть кто.

– Настоящие фамилия, место проживания, кто куратор, какую партию поддерживаете.

– Ничего не скажу.

– Бинд, аппаратуру, пусть терпит.

Потап, Прут, Топор или Щука хватили мужика за плечи, удерживая на месте, а Бинд колдовал с напряжением. Людям

было больно, и они начинали говорить.

– Я Отто Шульц, сотрудник немецкой дипломатической миссии, житель Берлина. Я имею дипломатическую неприкосновенность.

– Дипломатически тебя никто и не трогает. Я и окружающие меня люди – местные революционеры, которые борются с другими партиями, чтобы они не мешали нам. Рассказывай о своих агентах в Москве и так далее.

Оказалось, что двое прибыли из Германии, а товарищи Обраменко, Лившиц и Галкин – из столицы.

– Наше правительство поддерживает российскую социал-демократическую рабочую партию в целом, не разделяя её на меньшевиков и большевиков. Как говорится, пусть победит сильнейший.

– Мы счастливы узнать позицию вашего правительства, господин Шульц. А теперь прошу рассказать о подчинённых вам шпионах в России по-хорошему.

В результате допросов выявили целую сеть агентов. Пробравшись по списку, выхватил фамилию Костриков с пометкой «молодой, перспективный меньшевик с революционным псевдонимом Киров, входящий в состав руководства Владикавказской партиячейки».

– Вон, значит, где ты работаешь, меньшевик Киров.

В будущем Киров перейдёт в большевики и на посту главы Ленинградского обкома проявит себя деятельным и грамотным руководителем, так что пусть живёт. Писари отря-

да переписали списки революционеров в трёх экземплярах, приложив допросные листы. Две копии протокола пойдут в местное и питерское управление, а одна останется нам. Парни предлагали варианты окончания работы с провокаторами.

– Давайте местных меньшевиков проредим, оправив их к нам на стройку в качестве заключённых, а особо упёртых потихому пустим «в расход»?

Все, кто воевал на фронте, проливая свою кровь, очень болезненно воспринимали тех, кто расшатывал страну изнутри, даже ради великой идеи. Поэтому такие приказы выполняли с энтузиазмом. Парни словно мстили революционерам за поражение в японскую. С другой стороны прогресс развития общества не затормозить. Закостенелая царская Россия требовала реформ, а раз правительство не чесалось, его требовалось подтолкнуть. Оно не поняло намёков 1905 года, тогда его уничтожили в 1917. Я был уверен в том, что Гитлера царская власть не победила бы. Заевшиеся дворянские генералы считали бы, что выиграет Россия или проиграет, они итак останутся при власти и богатстве, а значит, на фронте снова были бы интриги и поражения. Хотя, объективности ради, они были и в Красной армии. Вот только Гитлер и его окружение рассматривало славян лишь в качестве рабов. Поэтому для победы нужны другие люди – классовые противники. Воистину для той победы нужен был жёсткий, закалённый в буре революции руководитель типа Сталина,

а не мягкотелые болтуны типа Николая II, Керенского или Троцкого.

В итоге в отряде было принято решение проредить руководителей местных партячек, не трогая большевиков. В результате двухмесячного тамбовского сидения нашего отряда революционная ситуация в губернии пошла на спад. Были ещё стачки на фабриках, не охваченных нашим вниманием, рабочие которых требовали тех же условий, какие внедрялись на предприятиях Тамбова, но массового размаха уже не было. Одни активисты были уничтожены, с другими договорились, как договорились с несколькими десятками тамбовских промышленников и помещиков.

Привлекая дочь, Сibaева изучала, рецензировала и отдавала в набор статьи о передовом опыте тамбовских фабрикантов. Вначале их писал я с пояснительными комментариями, а затем приехавшие из Петербурга на место событий Мамаевна с группой корреспондентов «Ведомостей»: «В Тамбове промышленники перешли на новый, передовой опыт хозяйствования, внедряемый по приказу императора под чутким руководством шефа жандармов. Необычный эксперимент повлёк коренное улучшение качества выпускаемой продукции и небывалый энтузиазм рабочих. Ура прогрессу!»

Петербуржцы читали и обсуждали новые веяния в экономике: укороченный рабочий день и социальные гарантии. Студенты тоже угомонились, потому что семнадцать особо

невменяемых активистов были осуждены, получив лет по пять каторги, а остальным совершенно не захотелось менять школьную парту на тюремную шконку.

Но и власти губернии сделали шаги навстречу, разрешив собрания и издание школьных листков, а полицейские реже появлялись в школах и училищах. Теперь в конце месяца преподаватели сами относили в полицейскую управу месячные доносы, то есть отчёты о поведении студентов и гимназистов.

Крестьянские волнения вокруг Тамбова и пары крупных промышленных центров тоже утихли. Хотя, кое-где бойцам пришлось пострелять, бегая по заснеженному лесу за крестьянскими боевиками. Вот тут «снайперки», приложенные к хорошим стрелкам, очень даже пригодились. Параллельно проводили работу с помещиками.

– Хорошо написал помещик Амброзий Амброзиевич, талантливо всех сдал. Парни, через полгода надо будет поработать по этим клиентам, и Амброзия тоже прессануть – сволочь ещё та.

После наших бесед с использованием компромата и угроз, помещики прощали крестьянам недоимки, а трое совершенно отмороженных "царьков" из помещиков скоростижно скончались в результате бытовых случаев. Вступившие в наследство родные после моей разъяснительной беседы радостно пошли навстречу чаяниям крестьян и закрыли вопрос с недоимками.

Так что в результате спецоперации было сделано много полезных дел: бунты утихли, рабочим людям помогли улучшить условия труда, крестьянам простились недоимки, для себя оформили переселение бунтовщиков из четырёх сел в полном составе, что составило примерно 1200 душ. Губернатор подписал бумагу, согласующую их депортацию для перевоспитания в поселение «Приморское» под надзор жандармов на три года. По этому поводу в Тамбов прибыл заместитель начальника корпуса Ерофеев. Он побеседовал с губернатором о согласовании такого решения, и всё стало «вась-вась».

Организационные дела заняли ещё порядка месяца, пока был сформирован караван, зафрахтованы поезда, в вагоны погружены семьи, в теплушки: вещи, птица, скот и собаки с кошками. Я и командиры думали, как обустроить переселенцев.

– Конец весны, дни теплее. Пока в военных палатках перекантуются в Приморке, а там материал завезём, новые артели наймём, да и сами мужики умеют топором работать – быстро возведём жилые бараки.

В итоге в швейных цехах Коробкиной шились десяти-местные палатки с двойными стенками, где металлическими растяжками выставлялась 10-сантиметровая воздушная подушка между ними, имелся закрытый предбанник. Палатки комплектовались печками-буржуйками для отопления. Нагретый воздух обогревал как саму палатку, так и отводился в

межстеночное пространство. Для народа обустроивались общие кухни, постирочные и бани, шилась зимняя и летняя рабочая униформа. Механическая и каретная мастерская делала фургоны для передвижных торговых лавок, используемые для подвоза на стройку провизии и бытовых товаров.

А ещё в Тамбове среди рабочих молва пошла, что в столице настоящие жандармы служат, которые могут разобраться в ситуации и помочь трудовому народу, а не только в тюрьмы сажать.

Глава 5. Кровавый привет из прошлого

В приёмной императора ожидали аудиенции командир корпуса Дедюлин и министр Дурново. Открылась дверь и адъютант пригласил чиновников.

– Господа, император просит вас зайти.

Войдя в кабинет, их встретил император и барон Владимир Борисович Фредерикс, в реальности Адольф Волдемар Фридрикс – финский дворянин, последний в истории министр императорского двора, канцлер российских императорских и царских орденов – была и такая должность, генерал от кавалерии и член Государственного совета. Человек этот был в авторитете, имея большое влияние на Николая II, к тому же он являлся другом Дедулина.

– Чем порадуете, господа?

– Ваше императорское величество, вверенное мне министерство в лице полиции и жандармерии, навели надлежащий порядок в Тамбовской губернии.

– Читал-с газеты. Пишут, что передовой опыт введён на предприятиях, а крестьяне и рабочие прославляют царя. Это отменно!

Генералы переглянулись и согласно кивнули. Дурново продолжил доклад.

– Так точно-с, ваше императорское величество. Моё указание выполнено в наилучшем виде: крови пролито немного, расстреляны всего лишь несколько злостных бандитов, вся операция прошла на высоком уровне. Конечно, фабриканты немного выразили недовольство, но их успокоили. Я правильно довожу информацию, Владимир Александрович?

– Так точно, Пётр Николаевич, отряд специального назначения под командованием ротмистра Семенова провёл операцию по усмирению губернии в кратчайшие сроки и с минимальными жертвами. В ходе расследования арестованы местные и даже иностранные революционеры, подбивавшие рабочих и крестьян к бунту. Вся операция проведена согласно утверждённому лично мной плану.

Дурново немного поморщился, почуввав, что одеяло потянул на себя его заместитель. Зато Фредерикс одобрительно покачал головой Дедюлину, мол, молодец, не зря я тебя рекомендовал!

– Я рад, что вы лично взяли под контроль это важное дело и главное, осветили результаты в газетах в нужном ключе.

– Рад стараться, ваше императорское величество, я не могу подвести господина министра!

Какого из двух присутствующих в зале министров Дедюлин имел в виду, он не пояснил, поэтому каждый министр принял это на свой счёт.

– Что же, господа, умеет аккуратно работать ваша служба. Господа генералы, считаю, вы заслужили награды. Барон

Фредерикс, ваше мнение?

– Полностью согласен с вами, ваше императорское величество.

За успешное проведение операции командиров и отличившихся бойцов награждал сам Дедюлин. Под маркой борьбы с революцией я и Ерофеев смогли убедить Дедюлина, а тот Дурново в необходимости реорганизации батальона в особый полк специального назначения численностью в 2000 человек, и расширении Особого отдела в два раза. В итоге Ерофеев был снят с должности начальника особого отдела, став чистым заместителем начальника Главного управления Корпуса жандармов, курирующего особый отдел и наш особый полк. Ещё он получил подполковника и орден Владимира 3 степени, а мне вне сроков «прилетело» звание майора.

Титан, также получивший майора, по протекции Ерофеева встал на должность начальника Особого отдела. С увеличением нашего отряда в нём также произошли служебные передвижки. По такому радостному поводу в отряде был объявлен трёхдневный выходной с праздничной пьянкой и отгулами, а начальство приглашено к Ерофееву домой, дабы в тесном кругу обмыть назначения, погоны и ордена. Я с Оксаной зашёл в Елисейевский прикупить ящичек дорогого коньяка, остановился на «Hennessy V.S.O.P. Privilege», который был создан этой винодельческой фирмой по заказу английского короля Георга IV. Ящик вынес сотрудник магазина и погрузил его на остановленную мной пролётку.

Юля шла по Невскому, когда увидела красивую девушку, махавшую рукой и зовущую своего кавалера очень дорогим ей именем: «Алексей, я здесь!» Из магазина вышел и направился к девушке подтянутый офицер в чине майора, с несколькими наградами на груди и в петлице кителя.

Юля подумала про себя: «Какой бравый офицер. Так это же Алексей!»

– Ты всё купил? Пойдём скорее, нехорошо опаздывать!

– Купил. Поехали, Ксения.

Юля вильнула в сторону, спрятавшись за толпу людей, и пристально смотрела на эффектную молодую пару. Девушка взяла офицера под руку, и они пошли к пролётке. Вдруг офицер остановился и, прищурившись, огляделся вокруг.

– Что случилось, Лёш?

– Да так, показалось...

Затем пара села в экипаж, и тот растворился среди потока разномастных тарантасов, катящихся по проспекту. Девушке стало больно и обидно, в груди появился ком. Вместо прогулки по магазинам она побрела домой.

– Как прогулялась, Юлечка?

– Нормально, мама.

Мама хлопотала по дому, периодически посматривая на дочь.

– Дорогой, дочка выросла, закончила учёбу, пора бы её замуж пристроить.

Отец отложил газету, прокашлялся и сообщил.

– Пора, а то засиделась в девках-то! Есть у меня на работе коллега, капитан первого ранга, так у него сын как раз жениться подумывает. Морской офицер – бравый, молодой, перспективный, чем не пара нашей Юле!?

– Пригласи его к нам в гости, а я у своих подружек поспрашиваю, может у них есть женихи на примете. Юленька, станешь женой морского офицера, как я и папа.

– Не хочу.

– Не спорь, дочь.

В воскресный день мама суетилась, организовав званый обед. К кап-три был приглашён его коллега, капитан эсминца «Боевой» кап-раз Сергей Палыч Кривянка с семейством. Дочки были припомажены, Жорж тоже напялил на себя модный костюмчик, принарядились и родители. За прошедшие годы Жорж вырос в весьма самоуверенного молодого человека, которому было «море по колено». Из-за отсутствия основных игроков, он уверенно занял место крайнего нападающего «Зенита», помогая команде сражаться в высшей лиге. При этом игроки получали заработную плату порядка 50 рублей в месяц, чтобы могли полностью заниматься тренировками. Так что он был независимым и вполне самостоятельным человеком, абсолютно уверенным, как надо жить и кем ему быть. А быть он собирался жандармом в нашем отряде. Я же настаивал на избрании им пути морского офицера. Во-первых, чтобы не создавать в семье конфликт, а во-вторых, мы все равно будем организовывать в отряде мор-

ское отделение. Так что нам будет нужен свой морской командир. Этим я убедил Жорика не бунтовать, а покориться воле родителей. Катя была обычной хорошенькой гимназисткой, в следующем году готовящейся поступать на Бестужевские или Ксенинские курсы.

Мужчины семейств чинно откушивали «Смирновскую», периодически провозглашая тосты и ведя неспешный разговор. Кандидатом в женихи был морской офицер в чине лейтенанта. Он уже ходил по Балтике на эсминце «Стремительном», то есть, выбирался дальше Маркизовой лужи, поэтому с апломбом сам себя считал бывалым морским волком.

– А чем занимается прекрасная леди?

– Окончила высшие Бестужевские курсы, экономист, для себя изучаю английский. А вас что интересует в жизни, как проводите свободное время?

– По выходным бываю-с в Английском клубе, что на Английской набережной, люблю-с в вист сыграть. Вы играете в вист, дорогая?

– Нет, я не сторонница карточных игр.

– Жаль-с. А как у вас с приданным?

Этот вопрос покоробил семейство Лариных, но Юлия элегантно отпарировала вопрос.

– С этим обращайтесь к родителям, сколько дадут, всё будет у молодой семьи.

Тут в разговор вступил Жорик.

– А вот Сэм вообще не парится наследством. Он так и

сказал, что муж должен всё заработать сам, а жена ему в этом помочь.

– А кто такой Сэм?

– Чемпион страны по боксу и центрфорвард «Зенита». Я там левым краем играю, так что с Сэмом мы друзья. А ещё он банкир. Он сватался к Юле, но из-за папа свадьбы не получилось.

Возникла некая напряжённость за столом, разговор затих сам собой, гости ещё откушали по стопочке, закусив её икоркой с буженинкой, и стали собираться.

– Что ж, Иван Васильевич, благодарю-с за обед, нам пора.

– Может, ещё посидите?

– Нет, нет, всё было очень вкусно, но нам пора-с.

Проводив гостей, Ларины уселись в гостиной.

– Георгий, ты чего языком мелешь?

– Зачем Юльке этот хлыщ нужен? Он её, а затем и нас по миру пустит, картёжник. Сэм говорит...

– Забудь про Сэма! В моём присутствии прошу его имя не упоминать.

– Папа, Сэм предложил пожить на его базе и потренироваться в спецкоманде. Чтобы поступить в военное училище и выжить в войне, я должен быть сильнее и грамотнее противника, а там этому учат. Так что, родители, на следующей неделе я переезжаю на базу.

– Господи, Георгий!

– Я так решил, маман!

Через неделю Жорик, собрав манатки, переехал на нашу базу на Финском заливе.

На день рождения Ани Задорожной, которое она отмечала дома, в числе приглашённых был Устин, сын управляющего одного из филиалов Петербургского императорского банка. Он был в очень дорогом костюме с бабочкой, весь ухоженный, с наманикюренными ногтями, длинными волосами в бриолине и надушенный настоящим французским парфюмом. Весь изнеженный и утончённый, с узкими хилыми плечами, он чувствовал себя настоящим покорителем женских сердец. Юля и Света Матлашёва, увидев его в комнате, смеясь, поинтересовались: «Ань, это парень или девушка?»

– Где? Ох, выдумщицы. Это, между прочим, кандидат в твои женихи, Юлия, или твои, Светочка!

– Что же ты его себе не заберёшь, Анечка?

– У меня другие вкусы.

Прошёл праздничный ужин, затем играли в фанты. Аня брякнула: «Юля, у нас жених на выданье, присмотрись!»

– Хорошо, Анечка, присмотрюсь.

Пришла очередь тянуть фанты Юле и Устину.

– Ах, Юлечка, у нас с вами совпали фанты. Я загадываю желание – это танец с вами, не откажите-с!

Пришлось танцевать, держась за женоподобные плечи и руки будущего гения банковской сферы.

– Вы очень уверенный в своей правоте молодой человек.

– Да, я много думаю и многое понимаю. Вообще, моя ма-

ма говорит, что я её радость. Я с этим полностью согласен. Думаю, что моя будущая супруга будет счастлива, когда окажется рядом со мной.

– Даже так! Вы и это знаете?

– Конечно, Юленька, я это знаю. Я уверен в этом на 100 процентов. Моя мама говорит, что я очень интересный человек для любой девушки. Я очень люблю вкусно покушать, а завтрак с кофе в постель – это так пикантно. Вы не находите?

– Нахожу.

– Я знаю, что супруга станет полностью поддерживать мои пристрастия, она будет вкусно готовить, подавать мне кофе, выполнять мои пожелания.

– А вы что будете делать для супруги?

– Я буду думать, как сделать так, что бы ей жилось замечательно. Буду рассказывать ей о своих мыслях, мы будем много беседовать.

– Это очень интересно, но всё же, делать что-то планируете для неё? Как вы вообще видите семейную жизнь?

– Вообще? Ну, женщина должна всё делать по дому, а мужчина должен обеспечивать семью. Ваше приданное и папины капиталы – всё это поможет мне обеспечивать себя в будущем, чтобы моя жена занималась только мной и моим домом. Мама говорит, что у меня очень аристократичный профиль и широкий лоб истинного философа. Вы не находите?

– Конечно, я это нахожу. Устин, вы не поверите, я ещё

у входа увидела вас и оказалась сражена вашей мужественностью. Я воодушевлена пропорциональностью вашей фигуры, особенно шириной ваших мужских плеч и элегантным брюшком. А ещё на вас столько шикарного парфюма, наверное, вы его не меньше литра на себя вылили?

– Юлечка, вы мне льстите. К сожалению, они не очень широкие, но я имею вполне мужественную и горделивую осанку. Я пользуюсь французским парфюмом от лучших домов мод. От мужчины должно хорошо и сильно пахнуть, вы согласны?

– Полностью, мой друг, главное, чтобы окружающие не задохнулись.

Весь вечер Устин томно вздыхал, поворачиваясь к Юле профилем и расправляя плечи, на что Юля благосклонно кивала, но все время отходила от Устина, прячась и общаясь с подружками. Девчонки хихикали, интересуясь.

– Как тебе мамина радость?

– Убойно, Анечка, отличная партия для идиотки.

– Юлька, ты Устину очень понравилась, не уппусти своего счастья.

– Тьфу на такое счастье. А своё я, похоже, упустила.

Девочки становились серьёзными, обнимая девушку.

– Все образуется, Юль.

С праздника Юля ушла пораньше, дабы её не провожал этот Нарцисс.

В рамках реализации программы «Сватовство», в следу-

ющий раз маманя вытащила Юлию и Катю в гости к своей подружке, представительнице купеческих кругов. У неё соби­рались гости, в числе которых был приглашён и потенци­альный жених.

Мужик был кругленьким, полненьким, явно любящим вкусно поесть. Пряча за начёсанным назад длинным чубом лысину, он много говорил, постоянно задыхаясь от нехватки воздуха. Являясь хозяином преуспевающего предприятия, царём и почти богом для подчинённых, считал себя самым главным везде. Ещё он не выговаривал букву «р», отчего его речь имела специфический оттенок. Откушивая яства и за­пивая их водочкой из графина, он вещал.

– Моя мануфактура в месяц шьёт двести лапсердаков, простите, долгополых сюртуков, дамские пиджаки по моде­лям из французских журналов мод и ещё сто пятьдесят поль­тов в месяц. Продукцию я выставляю в своих магазинах в Гатчине и в самом Апраксином дворе, что на Невском. Ищу лазейки, чтобы выставляться в Гостином. Но аренда дорогая, милочка моя, но очень дорогая, скажу я вам, аренда! Но Го­стиный двор – это Гостиный. Уровень, статус! Но очень-таки дорогая аренда. Я, уважаемая Юлия Ивановна, между прочим, зарабатываю очень приличные деньги даже по меркам столицы. Сам я живу в Гатчине. Недалеко от моего дома сам император построил свой Гатчинский дворец. Это, доложу я вам, не шутка, жить рядом с императорским дворцом, это статус в обществе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.